

5
№
3-a

Судья
1816
ПРИКА

Тыи Ф. Югансонъ. Покровка, Лял. пер., д. № 7.

I.

Н. А. Некрасовъ.

Не бойтесь, не бойтесь! слышался въ углу залы тихій и хриплый голосъ поэта „Мести и Печали“, когда меня встрѣтили у двери два красивыхъ сетера: что вамъ угодно?

Я сказалъ, что доставилъ въ редакцію „Современника“ два разсказа изъ народнаго быта и назвалъ свою фамилію.

— Я съ удовольствіемъ прочиталъ ихъ, сказалъ Николай Алексѣичъ: особенно мнѣ понравился вашъ „Поросенокъ“.... Прелестная вещь... А вотъ на вашемъ

разказъ „Хорошее житье“, кажется, была какая-то надпись...

— Да! въ редакціи „Отеч. Записокъ“ мнѣ написали, что языкъ слишкомъ народенъ и непонятенъ для публики... Я стеръ эту замѣтку...

— Ха-ха-ха... Слишкомъ народенъ!.. Это превосходно... Вы, что же, учтесь гдѣ нибудь?

— Въ медицинской академіи, но мнѣ хотѣлось бы перейти въ университетъ по историко-филологическому факультету...

— Напрасно! Кого вы будете тамъ слушать! Все это бездарность страшная... Ужъ если вы пишете такіе прелестные очерки, то вы умнѣе всякаго профессора... Какой вы губерніи?

— Тульской...

— Ну, вотъ еще однимъ дарованіемъ больше... Въ „Современникѣ“ участвуютъ ваши земляки: Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ... Тургеневъ обѣщался, проѣз-

домъ изъ Парижа, скоро побывать въ Питерѣ. Вы не нуждаетесь-ли въ деньгахъ? Я могу съ вами подѣлиться... Вотъ не угодно ли вамъ пока 50 рублей... Если что нибудь напишете еще, пожалуйста, приносите мнѣ. А эти очерки будутъ напечатаны въ слѣдующей книжкѣ...

— Вы, Николай Алексѣичъ, сказали, что мнѣ не слѣдуетъ поступать въ университетъ... Что же мнѣ дѣлать?

— Да просто плывите по теченію... Читайте Диккенса, Теккерея и пишите...

Въ скоромъ времени Некрасовъ извѣстилъ меня, что на Невскомъ, въ залѣ Бенардаки, устраивается Е. П. Ковалевскимъ литературный вечеръ, въ которомъ мое участіе было бы весьма желательно. Я согласился, и въ назначенный часъ пришелъ къ Некрасову, который былъ не въ духѣ и говорилъ, роясь въ бумагахъ:

— Терпѣть не могу этихъ вечеровъ,

гдѣ нужно выставлять на показъ свою фizioномію...

— Карета подана! возвѣстилъ лакей, и мы отправились.

Вечеръ прошелъ удачно. На другой день часовъ около 12 мы поѣхали съ Н. А. къ Ковалевскому, къ Красному мосту. Некрасовъ былъ очень веселъ и, расхаживая въ кабинетѣ Евграфа Петровича изъ угла въ уголь, рассказывалъ изъ своей прошлой жизни:

„Нанималъ я квартиру на Васильевскомъ острову, въ нижнемъ этажѣ. Денегъ у меня не было ни копейки. Пошелъ я въ мелочную лавочку попросить въ долгъ чайку. Купецъ оказался моимъ землякомъ.—Ярославцемъ и большимъ любителемъ чтенія газетъ.—„Дивное дѣло, говорилъ онъ: какъ это умудрились печатать газеты... Пишетъ человѣкъ, къ примѣру, перомъ, а выходитъ совсѣмъ другое“. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло и такъ ему

понравился, что онъ съ удовольствіемъ отпустилъ мнѣ чаю и сахару. Но положеніе мое, однако, нисколько не улучшилось. Лежа на полу, на своей шинели, я сдѣлался предметомъ празднаго любопытства уличныхъ зѣвакъ, которые съ утра до ночи толпились у моихъ оконъ. Хозяину дома это пришлось не по нраву, и онъ приказалъ закрыть окна ставнями. При свѣтѣ сальнаго огарка, я рѣшился описать одного помѣщика съ женою, у которыхъ я былъ учителемъ. Такъ-какъ хозяинъ отказалъ мнѣ въ чернилахъ, я соскоблilъ съ своихъ сапоговъ ваксу, написалъ очеркъ и отнесъ его въ ближайшую редакцію. Это спасло меня отъ голодной смерти... Въ одно утро къ моей квартирѣ подѣзжаетъ щегольская коляска, изъ которой выходитъ бывшій издатель „Современника“ Ив. Ив. Панаевъ и спрашиваетъ дворника:— „Здѣсь живетъ Н. А. Некрасовъ?“ Съ этого роковаго

момента судьба сдѣлалась ко мнѣ поблаго-
склоннѣе“... -

Дѣйствительно, не прошло 5—6 лѣтъ,
какъ Некрасовъ сдѣлался полнымъ и свое-
властнымъ хозяиномъ „Современника“, у
котораго было около 18,000 подписчиковъ.
Какъ это случилось, я не берусь рѣшить,
хотя и слышалъ многое множество вариан-
товъ на эту въ высшей степени назида-
тельную тему...

Однажды, въ трескучій зимній морозъ,
я пришелъ къ Некрасову, чтобы передать
ему одинъ изъ своихъ очерковъ. Съ зна-
менитымъ поэтомъ сидѣлъ извѣстный ве-
теранъ-беллетристъ Д. В. Григоровичъ.

— Знаете, что я вамъ посовѣтую, Ус-
пенскій, началъ Николай Алексѣевичъ:
поѣзжайте-ка за границу.

— Да на какія же средства?

— У васъ есть прекрасныя средства...

— Правда, правда, произнесъ бархат-
нымъ баритономъ Дмитрій Васильевичъ.

— Средства эти, продолжалъ Некрасовъ—ваши рассказы... Ихъ въ „Современникѣ“ напечатано такъ много, что изъ нихъ выйдетъ довольно солидный томикъ. Я издамъ ихъ въ свѣтъ, а вамъ дамъ денегъ на путешествіе, которое для васъ будетъ очень полезно... Въ Парижѣ теперь живетъ Тургеневъ, въ Ниццѣ Добролюбовъ, во Флоренціи Боткинъ, авторъ „Писемъ объ Испаніи“. Если хотите, мы васъ снабдимъ письмами къ нимъ.

Я отправился за границу, гдѣ пробылъ около года. Между тѣмъ, мои очерки вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой и раскупались на расхватъ. Возвратившись въ Петербургъ, я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что Некрасовъ, вмѣсто одного завода, какъ обѣщаль, напечаталъ мои рассказы въ количествѣ 6,000 экземпляровъ, цѣною по 1 р. за каждый; а я ограничился поѣздкой за границу, которая стоила мнѣ только 1000 рублей. Слѣдуя

примѣру Тургенева, Толстаго, Гончарова и Достоевскаго, я прекратилъ всякія сношенія съ незабвеннымъ поэтомъ и издателемъ „Современника“.

II.

А. И. Левитовъ.

ынъ тамбовскаго дьякона — Александръ Иванычъ, по окончаніи семинарскаго курса, поступилъ въ число студентовъ Петербургской медицинскоѣ академіи и былъ бѣденъ до такой степени, что за неимѣніемъ одежды, ни разу не посѣтилъ ни одной лекціи, питаясь однимъ чернымъ хлѣбомъ. Однажды онъ, вслѣдствіе сухояденія, сильно занемогъ, и казеннокоштные студенты рѣшились, не смотря на строгій надзоръ дежурныхъ офицеровъ, провести его въ академическую столовую, чтобы подкрѣпить

его силы питательной пищей. Его облачили въ длиннѣйшій казенный сюртукъ и благополучно провели въ столовую. Но въ другой разъ одинъ изъ дежурныхъ офицеровъ замѣтилъ „контрафракцію“ и строго запретилъ будущему литератору посѣщать казенную столовую. Не прошло и года послѣ поступленія А. Ив. въ академію, какъ онъ, по причинѣ разстройства здоровья, сначала долго лѣчился въ больницѣ, а потомъ уѣхалъ на родину, откуда въ скоромъ времени отправился пѣшкомъ въ Москву. „Около с. Молодей, рассказывалъ онъ, я до того ослабѣлъ, что почти цѣлыя сутки пролежалъ въ канавѣ и отъ голода буквально ѣлъ землю“... Въ Москвѣ ему удалось сблизиться съ издателемъ „Зрителя“, Колошинымъ, который, замѣтивъ блестящій талантъ Левитова, поддержалъ его матерьяльно, и съ этого времени началась литературная дѣятельность покойнаго. Изъ Москвы онъ

переврался въ Сѣверную Пальмиру, гдѣ принималъ участіе во многихъ журналахъ, и прославился своими „Степными очерками“. Но слабое здоровье и пристрастіе къ алкоголю не дали вполнѣ развернуться его творческимъ силамъ. Часто претерпѣвая суровую нужду, А. Ив. былъ озлобленъ на весь міръ, особенно на издателей и редакторовъ, которыхъ называлъ эксплуататорами. Энергія его къ труду и литературная производительность, замѣтно, слабѣли съ каждымъ днемъ, хотя имя его пользовалось такою громкою извѣстностью, что каждый новый издатель журнала считалъ долгомъ пригласить автора „Степныхъ очерковъ“ къ себѣ въ сотрудники; въ свою очередь Левитовъ считалъ необходимымъ „заполучить авансу, какъ онъ выражался, съ новаго эксплуататора“...

— Да съ ними иначе и нельзя, пояснялъ А. Иванычъ: они строятъ себѣ

дома, ѣздятъ въ каретахъ, а нашъ братъ ходитъ чуть не на голенищахъ... Вонъ Некрасовъ купилъ себѣ огромное имѣніе и соорудилъ винокуренный заводъ, — это поэтъ-то, оплакивающій меньшихъ братьевъ!.. а сколько онъ выигрываетъ въ карты въ англійскомъ клубѣ!.. Однажды я пришелъ къ Некрасову часовъ около 11 утра. Онъ еще спалъ. Смотрю, въ передней на столикѣ передъ зеркаломъ стоитъ шляпа, биткомъ набитая радужными, изъ которыхъ многіе даже устилали полъ. Я просто остолбенѣлъ при видѣ этой картины, и когда въ передней очутился лакей, сказалъ ему: — „Послушай, Василій: я, братъ, того... ты, пожалуйста, не подумай, что я взялъ что нибудь... Сочти, ради Бога, всѣ ли деньги цѣлы...

— Ну, что ихъ считать! У барина такая привычка: какъ пріѣхалъ изъ клуба, такъ сейчасъ въ постель... известное дѣло, по дорогѣ-то въ спальню и теряетъ

деньги, а ими у него набиты даже все карманы. Впрочемъ, не безпокойтесь, баринъ тоже не промахъ: у него все деньги сосчитаны...

— И вотъ эти-то богачи, продолжалъ Левитовъ, трясутся надъ каждой копеейкой. Однажды меня застигла такая нужда, что я принужденъ былъ обратиться къ Некрасову за „авансомъ“ (хотя, сказать правду, мнѣ эти авансы неоднократно выдавались изъ конторы). Некрасовъ наотрѣзъ отказался выдать мнѣ 25 цѣлковыхъ, Въ такомъ случаѣ, вспылилъ я: знаете, что я сдѣлаю сейчасъ? выброшусь изъ вашего окна на мостовую...

— Сдѣлайте милость, бросайтесь! захрипѣлъ Некрасовъ и растворилъ окно настежь...

На склонѣ своей литературной дѣятельности, Левитовъ навсегда переѣхалъ въ Москву, гдѣ даже, по временамъ, пробивался уроками въ частныхъ пансіонахъ.

Издатель „Будильника“, Суховъ, предложилъ ему просматривать поступавшія въ редакцію статьи. Проѣздомъ чрезъ Москву, я завернулъ въ сказанную редакцію и увидалъ Левитова. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ рукописи, съ ожесточеніемъ бросая въ корзину бездарныя вещи и приговаривая:

— Всякая безграмотная тварь то-же лѣзетъ на Парнасъ.

— Это стихотвореніе то-же не пойдетъ, вдругъ отнесся къ Левитову лакей, стоявшій за спинкой редакторскаго кресла: потому г. Бабиновъ сдѣлалъ вотъ эту пометку карандашомъ...

— Каковъ скотъ! мигнувъ по направленію къ лакею, шепнулъ мнѣ Левитовъ... Вотъ тутъ и работай!

Онъ бросилъ на столъ какую-то объемистую рукопись, быстро всталъ изъ-за стола и обратился ко мнѣ:

--- Пойдемъ-ка лучше чайку попьемъ...

Ужъ и надоѣла эта каторжная жизнь...
Теперь я, знаешь ли, уѣхалъ бы въ ка-
кую-нибудь глухую, глухую деревушку,
легъ бы на травѣ подъ лозиною и безпро-
сыпу спалъ бы цѣлыхъ три года!

О послѣднихъ дняхъ жизни Левитова я
не имѣю никакихъ свѣдѣній. Знаю толь-
ко, что онъ умеръ отъ чахотки въ боль-
ницѣ и похороненъ на Ваганьковскомъ
кладбищѣ.

III.

И. С. Тургеневъ.

Однажды Некрасовъ, весь обложенный журналами и газетами, лежалъ въ цвѣтномъ халатѣ и туфляхъ на низенькомъ, широкомъ диванѣ и просматривалъ какіе-то корректурные листы; а я сидѣлъ за круглымъ столикомъ и читалъ помѣщенное въ „Свисткѣ“ стихотвореніе Добролюбова:

У воротъ двора сквозного

Бѣдный Ванька плачетъ...

— А я забылъ вамъ сказать, Успенскій, прервалъ молчаніе Николай Алексѣвичъ: съ вами желаетъ познакомиться Турге-

невъ... Онъ пріѣхалъ изъ Парижа третьяго дня... Если хотите, отправляйтесь къ нему сейчасъ-же... попадете какъ разъ къ обѣду. Онъ остановился въ гостинницѣ „Демуть“, въ Большой Конюшенной, рядомъ съ знаменитой булочной Вебера... Тамъ вы увидите, около самага подъѣзда гостинницы, виситъ исполинскихъ размѣровъ вызолоченный крендель...

Я немедленно нанялъ извозчика и отправился въ Большую Конюшенную, стараясь запомнить существенный признакъ временнаго жилища Тургенева — вызолоченный крендель.

— Какъ объ васъ прикажете доложить? вѣжливо и почти робко спросилъ меня Захаръ, бѣлокурый и симпатичный лакей Ив. Сергѣича, служившій ему около 30 лѣтъ.

Я сказалъ свою фамилію.

— Проси, услыхалъ я мягкій голосъ знаменитаго литературнаго корифея, тя-

желые шаги котораго раздавались въ сосѣдней комнатѣ.

Вошедши въ залъ, я увидалъ необычайно величественную и богатырскую фигуру нашего неподражаемаго балетриста, который внезапно заключилъ въ свои мощныя длани мою руку. Хотя я и не былъ изъ числа малорослыхъ, но долженъ былъ, поднявъ голову вверхъ, смотрѣть на привѣтливое и въ высшей степени привлекательное лицо Ивана Сергѣича, при чемъ меня не мало поразилъ его тихій голосокъ, который вовсе не шелъ къ его исполинскому организму.

— Мнѣ очень хотѣлось съ вами познакомиться, началъ Тургеневъ, опускаясь въ кресло, хотя заочно я знаю васъ давно, по вашимъ рассказамъ, которыми всегда запасаясь на дорогу, чтобы не скучать... Мы съ вами, кажется, земляки?

— Я уроженецъ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда.

— Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, близъ с. Каднова, у меня есть имѣнье, гдѣ я, впрочемъ, почти никогда не бываю... Я люблю свою родину—с. Спасское, на границѣ Чернскаго и Мценскаго уѣздовъ. У васъ, я слышалъ, есть кто-то изъ родныхъ въ Чернскомъ уѣздѣ?

— Мой дѣдушка, сельскій дьяконъ...

— Представьте, вѣдь я его знаю... такой маленькій, лысенкій старичекъ... Разъ какъ-то, по пути изъ с. Тургенева, гдѣ живетъ мой братъ Николай, я съ своимъ охотникомъ, Афонасьемъ, зашелъ къ вашему дѣдушкѣ, и онъ мнѣ много интереснаго сообщилъ объ одномъ однодворцѣ, котораго я въ своемъ разсказѣ назвалъ „Овсянниковымъ“. Однако, соловья баснями не кормятъ... Не хотите ли со мной обѣдать?

— Съ удовольствіемъ.

Захаръ принялся готовить намъ трапезу,

украшая ее бутылками съ виномъ и хрустальными вазами съ фруктами.

— Вы, пожалуй, года ужъ три работаете у Некрасова, наливая мнѣ тарелку супу, замѣтилъ Тургеневъ.

— Да.

— А хорошо онъ вамъ платитъ?

— Не знаю, сколько онъ назначитъ за листъ... Мы съ нимъ не считались...

— Будьте осторожны!.. Это человѣкъ, которому, какъ говорится, пальца въ ротъ не клади... Однажды онъ какую штуку со мной сдѣлалъ? Проѣздомъ черезъ Парижъ, я встрѣтилъ его на rue de Rivoli и спрашиваю: вы изъ Парижа куда думаете? Въ Питеръ?— „Нѣтъ, заверну въ Лондонъ“.— „А скоро туда отправитесь?“— „Да хотѣлъ было завтра...“— „Ну вотъ и прекрасно! Пожалуйста, передайте моему пріятелю N... 18,000 франковъ... а мнѣ необходимо на дняхъ быть во Флоренціи“... Некрасовъ взялъ деньги, и мы разстались.

Недѣли черезъ двѣ я прїѣзжаю въ Лондонъ и спрашиваю прїятеля: „Получилъ деньги?“— „Какія?“— „Отъ Некрасова“.— „Никакого Некрасова и никакихъ денегъ я и въ глаза не видалъ“... А этотъ скорбный поэтъ „мести и печали“, какъ оказалось, вмѣсто Лондона-то, укатилъ въ Петербургъ, гдѣ и пустилъ мои денежки въ оборотъ...

— Это ужасно! воскликнулъ я: неужели это правда?

Тургеневъ только добродушно усмѣхался и счелъ за лишнее отвѣчать на мой вопросъ.

— И вотъ теперь Некрасовъ чуть не со слезами просить у меня прощенія, что такъ коварно поступилъ со мной...

— Но деньги, разумѣется, возвратилъ вамъ?

— Незначительную часть...

— Почему же не всѣ?

— Ну, ужъ, видно, такова натура рус-

скаго дѣльца... Теперь я ему ни одной строки своей не дамъ...

Послѣ обѣда Иванъ Сергѣичъ прилегъ на диванъ, въ кабинетѣ, гдѣ ярко пылалъ каминъ; подкладывая себѣ подъ голову подушку; онъ сказалъ:

— Ну, Успенскій, расскажите чтонибудь...

— Иванъ Сергѣичъ, началъ я, согрѣтый обѣдомъ, виномъ, каминомъ и радушіемъ великаго поэта: отчего вы все пишете про любовь?

— А что же, что же, вдругъ, приподнимаясь съ дивана, возразилъ Тургеневъ: что же, скажите мнѣ, интереснѣе любви?...

— Но почему вы оставили свои безсмертныя „Записки охотника“, которыя васъ такъ прославили...

— Не могу, не могу! возразилъ Ив. Сергѣичъ: не удовлетворяютъ меня болѣе эти рассказы... вотъ въ чемъ дѣло... А вы лучше мнѣ скажите: гдѣ это вы спи-

сали такую чудесную картину „Ночь подъ Свѣтлый день?...“

— Мой отецъ, объяснилъ я, былъ сельскій священникъ, и къ нему всѣ прихожане, въ ожиданіи заутрени подъ Свѣтлый день, сходились со всѣхъ деревень... Въ залѣ, обыкновенно, помѣщались мелкопомѣстные дворяне, прикащики, дворники, въ средней комнатѣ—лакеи, сапожники, зажиточные крестьяне, а кухню наполняли мужики, разряженные парни, бабы и дѣвки...

— У васъ одинъ недостатокъ, подхватилъ Тургеневъ: вы пишете очень мало... Гдѣ вы больше работаете? Въ Питерѣ или въ деревнѣ?

— Гдѣ придется...

— Развѣ у васъ нѣтъ никакой осядлости, любимаго уголка, гдѣ бы вамъ весело и легко работалось?

— Нѣтъ...

— Это очень жаль... Вамъ бы слѣдо-

вало обзавестись недвижимою собственностью... Хотите я продамъ вамъ въ своемъ Спасскомъ десятинъ 20—30?... Вы себѣ выстроите домикъ и будете писать...

— Все это прекрасно, но у меня нѣтъ денегъ на покупку земли...

— Вздоръ! Мы съ вами какънибудь сочтемся...

Иванъ Сергѣичъ всталъ съ дивана и началъ размѣшивать въ каминѣ уголья...

IV.

Покупка земли у И. С. Тургенева.

Ну, новый Чернскій помѣщикъ, до свиданія! говорилъ мнѣ Иванъ Сергѣичъ. Дядѣ своему я написалъ, что слѣдуетъ... Вы отправляйтесь прямо къ нему, такъ-какъ онъ завѣдуетъ всѣми моими имѣніями... Онъ живетъ въ с. Спасскомъ, Лутовиновѣ; то-жъ... Человѣкъ онъ, вообще говоря, такъ себѣ... но, не дай Богъ съ нимъ куда нибудь ѣздить... Безумолку пристаесть къ кучеру. „Что это у тебя коренная голову-то высоко загнула? Ты почему распорядился — не подвязать ей хвостъ? А отчего пристяжная

у тебя прихрамываетъ? подстегни-ко ее хорошенько кнутомъ!...“ и т. д.

Къ сожалѣнiю, ни Иванъ Сергѣичъ, ни я не могли предвидѣть, что эта покупка земли—вела меня къ неизбѣжной гибели. Заручившись письмомъ Тургенева, я долженъ былъ устраивать фести-валь среди моихъ родственниковъ и знакомыхъ, которые, всѣ безъ исключенiя, восторгались моимъ умѣньемъ: „обдѣлывать дѣла!“

— Вотъ такъ молодецъ! привѣтствовали они меня: отхватилъ себѣ 30 десятинъ въ долгъ и сдѣлался помѣщикомъ! Мой отецъ, при встрѣчѣ съ каждымъ, возвѣщалъ громогласно:

— Дьяконъ! ты слышалъ, мой Николай сдѣлался помѣщикомъ! Эй, дьячекъ! ты знаешь новость?

— Какую?

— Про моего Николая? Онъ, братъ, теперь сдѣлался помѣщикомъ Чернскаго уѣзда... его голой рукой не хватай... а я

думалъ, что изъ него ничего путнаго не выйдетъ!.. Зайди, выпей рюмочку!..

— Ну, Николай, говорилъ мнѣ отецъ при моемъ отъѣздѣ въ Спасское для совершенія купчей крѣпости, выбирай себѣ землю съ лугомъ и, если можно, съ рѣкою... Потому, что для скотины это хорошо...

— Да и для домашней птицы, напр. для гусей и утокъ, подхватила мать, тоже полезно...

— Лугъ для гусей не идетъ, возразилъ отецъ, расчесывая деревянной гребенкой свою сѣдую бороду: гусь самая вредная птица для луговъ... Отчего-жъ имъ, гдѣ ни посмотришь, заламываютъ крылья?

— Пожалуй, ты скажешь, и свиней и поросятъ водить нельзя?

— Нѣтъ, можно! ихъ надо въ стадо гонять... Есть по близости деревушка, ну, и гоняй туда вмѣстѣ съ мужицкой скотиной... Прощай голубчикъ!... Помни, что дядя Тургенева, Николай Николаичъ, по-

литиканъ страшный,—будь съ нимъ остороженъ...

Даже моего подводчика, сосѣда, Якова, прельстила моя земля...

— Какъ хочешь, Николай Василичъ, а я къ тебѣ, стало быть, въ твое имѣніе, со всей своей семьей переберусь — въ вѣчные работники... потому, у насъ приволья для скота никакого нѣтъ... Усадьба вся выпажана, земля неудобрена...

Мало того, волей неволей, я долженъ былъ переносить величайшую скуку въ домѣ Ивана Сергѣича, гдѣ ютилось семейство его дяди, заправлявшаго всѣми имѣніями своего безсмертнаго племянника.

— Левонъ! говорилъ онъ своему управляющему: съѣзди съ Успенскимъ на Кресты, пусть онъ посмотритъ тамъ домъ и землю...

— Но вѣдь этотъ домъ весь развалился, Николай Николаичъ, возражалъ Левонъ: тамъ окромѣ галокъ да крысъ никого нѣтъ...

А земля? Чтожъ земля? Она почестъ никакого доходу не приноситъ... Вотъ ежели бы, Николай Васильичъ, открыли питейное заведеніе... тогда можно было бы кормиться... Опять этотъ домъ стоитъ особнякомъ въ полѣ... Чего добраго, какъ бы грѣха не было...

— Какого грѣха?

— Примѣромъ сказать, не убили бы...

— Кого?

— Да Николая Васильича... Опять же они люди одинокіе,—долго ли до бѣды? Пойдетъ нѣпогодъ, а тамъ зима,—вьюги, метели... да они тамъ сами не согласятся жить... Скука одна одолѣетъ....

Дѣйствительно, скука одолѣла меня. Купивъ землю, я выстроилъ себѣ, среди поля, избенку и нанялъ караульнаго, который ходилъ ко мнѣ ночевать... А была осень... Вокругъ моей хижины бушевалъ порывистый вѣтеръ и завывали волки...

Я написалъ Ивану Сергѣичу письмо,

что болѣе не въ силахъ выполнять роль чернскаго помѣщика, и просилъ взять обратно купленную мною землю... Недѣли черезъ двѣ, послѣдовала резолюція Тургенева, въ силу которой я вновь очутился на свободѣ...

V.

Гр. Л. Н. Толстой.

Въ первый разъ я увидалъ нашего гениальнаго беллетриста въ Москвѣ, гдѣ получилъ отъ него самое радушное приглашеніе посѣтить пресловутую „Ясную поляну“—этотъ разсадникъ не менѣе пресловутыхъ „народныхъ школъ“.

Маленькіе сѣрые глазки на широкой, мускулистой фізіономіи графа произвели на меня непріятное впечатлѣніе, немедленно вызвавшее, какъ рѣзкій контрастъ, въ высшій степени симпатичное лицо И. С. Тургенева, о которомъ однажды И. И.

Панаевъ выразился такъ: „Если Тургенева поставить на подоконникъ противъ солнца, то онъ будетъ свѣтиться насъ квозь *).

Въ „Ясной полянѣ“, окруженной казенной засѣкой и потонувшей въ зелени, мы съ графомъ вели нескончаемыя бесѣды о литературѣ, задачахъ искусства и о томъ наконецъ, что человѣчество обладаетъ только произвольными движеніями, подобно обезглавленной лягушкѣ, подвергнутой дѣйствию гальваническаго тока. Эту идею графъ и провелъ въ своемъ прелестномъ романѣ „Война и миръ“, но, какъ говорится, заднимъ числомъ, такъ-какъ русская читающая публика давнымъ давно уже успѣла познакомиться съ извѣстной брошюрой нашего знаменитаго фیزیолога Сѣченова, подъ заглавіемъ: „Центры,

*) Считаю не лишнимъ замѣтить, что Панаевъ нѣкогда владѣвшій „Современникомъ“, вслѣдствіе какого-то фатума, вручилъ его Некрасову.

задерживающіе рефлексъ и произвольныя движенія“. Между прочимъ, Л. Н. сообщилъ мнѣ весьма любопытный отзывъ о столицахъ и деревенской жизни:

— Боже мой, Боже мой! говорилъ графъ, сжимая руки: изъ этихъ центровъ мнимой цивилизаціи, наполненныхъ всевозможными бездарностями и шалопаями, не чаешь, какъ и выдраться... Когда я приѣзжаю изъ Петербурга или изъ Москвы въ „Ясную поляну“, то первымъ долгомъ спрашиваю своего скотника:

— Что буренка? отелилась?

— Такъ точно, ваше с — тво... Бычекъ-съ... вылитый въ мать.

Я иду на скотный дворъ и долго, долго люблюсь теленкомъ, чтобы изгладить столичные впечатлѣнія...

— Николай Васильичъ, однажды обратился ко мнѣ графъ: не подарите ли вы нашему дѣтскому журналу какойнибудь рассказецъ?... Вы такъ глубоко изучили

народный бытъ и такъ мастерски владѣете народнымъ языкомъ... Вы меня этимъ очень обязали бы...

Когда разсказъ былъ написанъ и просмотрѣнъ графомъ, онъ спросилъ меня:

— Сколько же вы возьмете за этотъ чудесный разсказъ?

— Помилуйте, это такіе пустяки...

— Нѣтъ, я назначилъ вамъ 60 рублей.

— Это ужасно много Левъ Николаичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не отказывайтесь...

— Извольте, сказалъ я: только и вы, въ свою очередь, не откажитесь и отъ моего предложенія: продайте мнѣ вашего забракованнаго коня, которому кличка „Сумасшедшій“.

— Да помилуйте, Успенскій, онъ васъ лишитъ жизни...

— Вотъ это-то мнѣ въ немъ и нравится.

— Ну, чтожъ? Я отдаю его вамъ, въ

качествѣ литературнаго гонорара, лишь бы только онъ вамъ не сломилъ шею...

И я, за ничтожный рассказъ изъ народнаго быта, воспользовался конемъ, у котораго была „дугою шея, хвостъ трубой“...

— Почитайте-ко, отъ скуки, сочиненія моихъ учениковъ, предложилъ мнѣ графъ въ одинъ осенній вечеръ, и скажите ваше мнѣніе,...

Передо мной очутилась кипа дѣтскихъ тетрадей, изъ которыхъ въ одной я читалъ слѣдующее:

„Однажды, Левъ Николаичъ вызвалъ Савоскина къ доскѣ и приказалъ ему рѣшить задачу изъ ариметики: если я тебѣ дамъ пять калачей, и ты одинъ изъ нихъ съѣлъ, то сколько у тебя осталось калачей?...”

Савоскинъ никакъ не могъ рѣшить этой задачи, и графъ за это выдралъ его за виски...

Ни мало не сомнѣваясь въ справедливости

вості сообщенія ученика гр. Толстаго, и до глубины души возмущенный этимъ поступкомъ великаго художника, я, не медля ни минуты, сѣлъ верхомъ на вырученнаго мною коня и отправился въ Тулу, къ брату Льва Николаича, которому и передалъ новость...

— Это невообразимо!.. это чудовищно... Не даромъ мнѣ опротивѣла „Ясная Поляна“ съ тѣхъ поръ, какъ завелпсь въ ней народныя школы, говорилъ Сергѣй Николаичъ, расхаживая по комнатѣ... Поѣдьте сейчасъ къ Луэрбахъ и вы повторите вашъ рассказъ о деревенскомъ мальчикѣ

Поздно вечеромъ я вернулся въ „Ясную Поляну“.

— Ну, что новаго въ Тулѣ? спросилъ меня графъ.

Я подробно рассказалъ о случившемся.

— Тяжело жить на свѣтѣ! скрестивъ руки и глубоко вздохнувъ, проговорилъ Левъ Николаевичъ.

VI.

Гр. Л. Н. Толстой.

Въ свободное отъ педагогическихъ и литературныхъ занятій время, графъ, обыкновенно, обращался ко мнѣ съ просьбой рассказать ему что нибудь „о мужикахъ“. „Вы ихъ такъ хорошо знаете, замѣчалъ онъ. Я люблю васъ слушать. Вы чрезвычайно мастерски владѣете народнымъ языкомъ и въ вашихъ разсказахъ столько неподдѣльнаго юмору, что я вполне соглашаюсь съ Анненковымъ, который назвалъ васъ русскимъ Теньеромъ“...

— Да вотъ, говорилъ я, не угодно ли

вамъ послушать небольшой разговоръ отца съ сыномъ, достаточно подгулявшихъ...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе...

„— Ванька! помнишь, какъ ты меня угостилъ?... Вѣдь у тебя рука-то не отболѣла... Дуракъ, я тебя вспоилъ, вскормилъ... Что же? Это, къ примѣру, ты отплатилъ мнѣ за мою хлѣбъ-соль?...

„— Ты, батька, самъ непорядки дѣлаешь...

„— Какіе же непорядки?

„— Матери волю даль... обижаетъ мою бабу...

„— Да чѣмъ же я-то виноватъ?...

„— Острастку ей не даешь... ты бы хоть однува ей дулю поднесъ, чтобы помнила, а замѣсто того, ты самъ огорчаешь мою бабу... Ну, вотъ, я тебѣ и засвѣтилъ, какъ слѣдствуетъ...

„— Дуракъ, вѣдь я опослѣ того цѣлыхъ два дня кривой ходилъ...

„— Что-жъ, батька, я на тебя не обиждаюсь!!! Пойдемъ-ко, выпьемъ...

— Ужасные нравы!... со вздохомъ произнесъ Левъ Николаевичъ. Расскажите еще что нибудь.

— А вотъ вамъ болѣе свѣтлая картинка: два сосѣда изъ-за чего-то между собою такъ разсорились, что порѣшили судиться въ волостномъ правленіи, которое находилось отъ нихъ въ далекомъ разстояніи... Когда наступилъ день отбѣзда въ деревенскій синедріонъ, одинъ изъ сосѣдей обратился къ своему врагу съ вопросомъ:

„— Ты, что-жъ, Ермолай, ужъ запрягаешь лошадь?

„— Запрягаю... На дворѣ-то, вишь ты, не равно...

„— Вотъ какое дѣло, братецъ ты мой: чѣмъ намъ гонять двухъ лошадей — поѣдемъ на одной... Моя, примѣромъ скажемъ, будетъ телега, а твоя лошадь, али

такъ повернемъ: моя будетъ лошадь, а твоя телега... авось, самъ знаешь: не подъ разчетъ намъ съ тобою трепать двѣ телеги и гонять пару лошадей... Кабы, значитъ, мы съ тобой въ разные мѣста ѣхали...

„— Что-жъ? Это ты вздумалъ правильно... она вѣдь, лошадь-то, хоть и скоть, а все понимаетъ и чувствуетъ, ежели ее безъ толку гоняютъ...

„— Вся причина, она дома пригодится...

„— Про что-жъ я-то говорю?... Чудакъ!... То же надо Бога бояться“...

Тяжущіеся усѣлись въ одной телегѣ и отправились въ „волостную“... Дорогой они покурили изъ одной трубочки, а при первомъ на пути кабакѣ остановились.

„— Аль намъ выпить? замѣтилъ одинъ.

„— Что-жъ? Коли такое дѣло, у меня гривенникъ-денегъ наберется...

„— Да вѣдь и я тоже захватилъ съ собою про запасъ... неровень случай... дорога дальняя.

„ — Вѣстимо дѣло, путь тоже не близкій...

Зашли мужики въ кабакъ, выпили и почувствовали себя въ самомъ праздничномъ расположеніи духа.

„ — А что я тебѣ скажу, Аверьянъ, начали они бесѣду: изъ-за чего мы съ тобой затѣяли эти самыя дразги?

„ — Изъ-за чего? Самъ знаешь, изъ-за бабъ...

„ — А ты понимаешь ли, что такое баба? Она, я тебѣ скажу, самая что ни на есть первая смутьянка въ семьѣ... Сколько изъ-за ней нашего брата погибаетъ!

„ — Пстой! а мы-то съ тобой кто-жъ такіе? Мужья, аль нѣтъ? Имѣемъ мы полную праву командовать надъ бабой, аль нѣтъ? Говори по истинной правдѣ!... А вотъ что я тебѣ скажу, милый человѣкъ: лучше бросимъ эту канитель до поѣдемъ домой... Что намъ съ тобой дѣлать? У тебя свое хозяйство, у меня свое... Стало быть, что-жъ тутъ толковать? А то, зна-

ешъ, какое дѣло: прїѣдемъ мы, положимъ, въ Курносово... Сейчасъ, первымъ дѣломъ, старшину надо ублаготворить, писаря — тоже... а тамъ судьи привяжутся... Да прахъ ихъ возьми совсѣмъ!... Скажи, значить, по душѣ: ну, на что они намъ нужны? Мы съ тобой легче сами выпьемъ, нежели поштовать будемъ всякую араву... И мужики съ миромъ возвратились домой“.

— Экая прелесть, экая прелесть! сжимаемая руками свою голову и въ ажитациі расхаживая по комнатѣ, восклицалъ графъ: не можете ли вы эту вещь слегка обработать и набросить на бумагу... Я бы съ удовольствіемъ купилъ у васъ этотъ рассказъ для „Ясной Поляны“ (журналъ для дѣтей); здѣсь поражаетъ не бытовая, или жанровая картина, а сама жизненная правда, воплощенная въ типическіе образы... Вѣдь вся суть дѣла не въ томъ, что поссорившіеся мужики поѣхали на одной телегѣ и завернули въ кабакъ, а въ той

вѣчной и несокрушимой морали, что жить на свѣтѣ надо по-христіански... „Аще кто тебя ударитъ по лавитѣ, подставь ему другую“.

Въ продолженіе цѣлыхъ 27 лѣтъ графъ не могъ забыть этого разсказа, и при послѣднемъ моемъ свиданіи съ нимъ, въ Москвѣ, когда я его встрѣтилъ въ скромной блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, онъ спросилъ меня:

— Что же, вашъ неподобный разсказъ о поссорившихся мужикахъ нигдѣ не былъ напечатанъ?

— Нигдѣ... Признаться сказать, я со-
всѣмъ и забылъ о немъ...

— А вѣдь я уже самъ хотѣлъ обрабо-
тать его... для народа...

— Вы этимъ сдѣлали бы мнѣ великую
честь, Левъ Николаичъ...

Безцѣльно проживая въ „Ясной полянѣ“, я однажды получилъ отъ своихъ родителей письмо такого содержанія: „Любезный сынъ! поспѣши прїѣздомъ къ намъ, дабы, можетъ быть, въ послѣдній разъ проститься съ твоимъ старшимъ братомъ, а равно и съ его семействомъ, поелику они, попросухѣ весенней дороги, уѣзжаютъ на Кавказъ, за Кубань, въ станицу Передовую“... Я прочиталъ это письмо Толстому, который энергически воскликнулъ:

— Такъ въ чемъ же дѣло? Вамъ надо немедленно ѣхать... У васъ есть купленная у меня лошадь „Сумаспешій“, на ней и отправляйтесь...

— Но вѣдь теперь, Левъ Николаичъ, страшная грязь, распутица... Чего добраго „Сумасшедшій“, при своемъ пылкомъ характерѣ, оставитъ меня среди поля, какъ рака на мелі.— Затѣмъ, я хочу обратиться къ вамъ съ просьбой одолжить мнѣ вашъ фотографическій аппаратъ для снятія портретовъ съ уѣзжающихъ на „погибельный Кавказъ“ моихъ родственниковъ... Очень можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, что я съ ними никогда не увижусь.

— Съ удовольствіемъ... Возьмите... Онъ мнѣ почти совсѣмъ не нуженъ...

— Благодарю васъ... Теперь, какъ мнѣ быть съ вашимъ неукротимымъ „Сумасшедшимъ?“ Аппаратъ составить для него тяжесть непосильную по грязной дорогѣ...

— Да я прикажу кучеру подпречь къ вашей повозкѣ сильную лошадь „Чалаго“, и вы благополучно доедете до мѣста.

— А если съ этимъ „Чалымъ“ чтонибудь случится въ дорогѣ? Что мнѣ тогда дѣлать?...

— Ну, да вѣдь и съ каждымъ изъ насъ всегда можетъ чтонибудь случиться... Эй! кто тамъ? Позовите ко мнѣ кучера.

Толстый кучеръ съ окладистой бородой немедленно явился къ графу.

— Что прикажете, ваше с—ство?

— Слушай, Алексѣй: къ завтрашнему утру приготовь прочную телегу и уложи въ нее мой фотографическій аппаратъ, а лошадямъ „Чалому“ и „Сумасшедшему“ дай на ночь побольше овса...

— Слушаю... А мнѣ прикажете ѣхать?

— Нѣтъ! Николай Васильичъ отправляется на свою родину и неизвѣстно, сколько времени тамъ пробудетъ... Стало быть, въ тебѣ нужды нѣтъ...

— Это точно... потому Миколай Васильевичъ сами умѣютъ управлять лошадьми не хуже первѣющаго кучера... Имъ лю-

бой баринъ положилъ бы не меньше 15 рублей на мѣсяцъ...

— Можешь идти...

— Слушаю-съ...

Рано утромъ я отправился въ путь, украсивъ „Сумасшедшаго“ новой збруей и щегольской дугой, купленными мною, не задолго до поѣздки, въ Тулѣ.

Было прелестное, весеннее утро Солнце такъ ласково и привѣтливо свѣтило, жаворонки такъ задорно и весело распѣвали подь голубымъ небомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на невылазную грязь на большой дорогѣ, по которой я совершалъ рискованное путешествіе, въ сообществѣ съ фотографическимъ аппаратомъ. Въ виду почти непреодолимыхъ препятствій для ѣзды, бѣдный „Сумасшедшій“, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ вонъ, напрягая всѣ свои силы на то, чтобы поминутно вытаскивать повозку изъ разныхъ рытвинъ, зажоровъ, канавъ и колдобинъ...

Не проѣхавъ и десятка верстъ, я убѣдился, что лошадямъ нужно отдохнуть въ ближайшей деревушкѣ, гдѣ я сдѣлался предметомъ самаго упорнаго и безсмысленнаго любопытства всѣхъ обывателей, не исключая еле-движущихся стариковъ съ старухами и малолѣтнихъ дѣтей. Какъ бы то ни было, но поздно вечеромъ я сталъ приближаться къ большому селу, отстоявшему отъ „Ясной Поляны“ въ 25 верстахъ. Морослъ частый и холодный дождь. Не доѣхавъ до постоялаго двора саженой 15, я вдругъ погрузился въ глубокую канаву и услыхалъ трескъ, похожій на выстрѣлъ изъ ружья... Оказалось, что „Сумасшедшій“, собравъ всѣ свои силы, хотѣлъ выпрыгнуть изъ канавы, какъ заяцъ, вслѣдствіе чего новая, красивая дуга лопнула пополамъ. Дворникъ, у котораго я остановился ночевать, какъ и слѣдовало ожидать, заломилъ съ меня чудовищную цѣну за свою некрашеную и грязную ду-

гу, которая у него валялась гдѣ-то на дворѣ. Но что было дѣлать? Я принужденъ былъ покориться своей участи и заплатить требуемыя деньги. Въ родномъ моемъ городѣ, Ефремовѣ, на нѣсколько часовъ меня задержала „Красивая мечь“, которая, послѣ половодья, не могла еще войти въ берега, почему и убогій мостъ былъ покрытъ водою. Одинъ изъ отважныхъ мѣщанъ вызвался переправить меня на противоположный берегъ и распорядился привязать постромки „Чалаго“ чуть не къ самой мордѣ „Сумасшедшаго“, а самъ, засѣвши верхомъ на лошадь, принялся ее стегать кнутомъ, приговаривая: „съ Господомъ! трогай“ и т. д. Лишь только мы перебрались черезъ мостъ, я съ ужасомъ увидалъ, что у обѣихъ лошадей изъ заднихъ ногъ ручьями льется кровь...

— Что это значитъ? спросилъ я мѣщина.

— Развѣ не видите? Лошади засѣклись, хладнокровно отвѣчалъ провожатый: ихъ теперь надо недѣльки на двѣ поставить на навозъ, а то копыта всѣ вчистую сойдутъ... Пожалуйте, сударь, за труды на чаекъ...

— Боже мой, Боже мой! думалъ я въ отчаяніи: что, если въ самомъ дѣлѣ, порученный мнѣ графомъ „Чалый“ очутится безъ копытъ?.. Придется, впрочемъ утѣшалъ я себя, написать новый рассказъ для „Ясной Поляны“... По волѣ неисповѣдимаго Промысла, я наконецъ окончилъ свое дальнее и трудное путешествіе и прибылъ въ свое родное село, гдѣ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями всѣми моими родными. Отецъ первый спросилъ меня:

— Чьи-жъ это у тебя лошади?

— Графа Л. Н. Толстаго...

— Понимаю... Чтожъ, онъ тебѣ далъ ихъ на время или какъ?

— Одну, вотъ, „Чалаго“, далъ на время, а другую онъ мнѣ продалъ...

— Гдѣ-жъ ты взялъ деньги?

— Заработалъ перомъ...

— Дивны дѣла твои, Господи!.. Ну, ужъ времена настали, нечего сказать... Стали ужъ нынче лошадей на перо поддѣвать...

VII.

Триумфальный въездъ графскихъ лошадей въ мое село.

Ишь только графская повозка очутилась на дворѣ, ее моментально окружила толпа народа, во главѣ котораго находились всѣ мои родственники и въ полномъ составѣ сельскій причтъ, со включеніемъ церковнаго сторожа и хромой просвирни. Всѣхъ изумило не столько мое прибытіе во время весенней „распутицы“, сколько телега, запряженная красивыми графскими лошадьми.

— Вотъ такъ кони! удивлялся пономарь: вы замѣтите, отецъ дьяконъ, какіе лады!...

— Что говорить, породистыя лошадки...

— Сирѣчь, кровныя... заводскія, надо прямо говорить...

— Ну, да! не нашимъ одрамъ чета... Одеръ навсегда одромъ останется,—хоть ты корми его, хоть нѣтъ...

— А телега-то?... извольте посмотрѣть... Что—шины, что—спицы, что—ободи...

— Да все, на что ни посмотри, глаза разбѣгаются...

— Вотъ горе, пожаловался я: лошади-то у меня засѣклись...

— Это ничего не значить, Николой Василичъ, подхватилъ пономарь: сейчасъ взять жженныхъ квасцовъ...

— Нѣтъ, березовка будетъ пользительнѣй, возразилъ сѣдой, какъ лунь, дьячекъ...

— Ничего вы не понимаете! рѣшилъ отецъ дьяконъ: отъ засѣчекъ первое средство мѣдный купоросъ... онъ сейчасъ разѣсть рану-то... она и того...

— Нѣтъ, ужъ лучше глины съ солью

ничего не можетъ быть, замѣтилъ въ свою очередь церковный сторожъ, побѣдоносно оглядывая толпу, которая вдругъ въ испугѣ попятилась назадъ, увидавъ вытасченный изъ телеги фотографическій аппаратъ Льва Николаича.

— Это что-жъ за штука такая, Николай Василичъ? спрашивали меня изумленные зрители.

— Машина для сниманія портретовъ.

— Ай, ай, ай! Вотъ аказія-то... И что же, напримѣръ, эта самая проскомидія можетъ со всякаго снять патреть?

— Съ кого угодно... хоть съ лошади или собакъ...

— А не опасно къ ней близко подходить?

— Нисколько...

— Мы къ тому спрашиваемъ, что у этой машины мѣдная труба, словно бы похожа на пушку... какъ бы, молъ, грѣха какого не было...

— А я слышала, замѣтила сутулая

дьяконица, отъ добрыхъ людей: кто ежели сниметь съ себя патретъ, тотъ ужъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ...

— Городи больше! возразилъ отецъ дьяконъ. Вѣдь съ насъ съ тобой, когда мы были молодыми, тоже художникъ списалъ портреты.

— То дѣло другое, потому тамъ были нарисованы какіе-то чучела гороховыя... оттого мы съ тобой живы и остались...

— Однако, пойдете чай пить, пзвѣстилъ мой отецъ, и я, окруженный родными и знакомыми, вступилъ въ горницу, гдѣ уже на столѣ кипѣлъ самоваръ и красовался объемистый графинъ съ водкой.

— Ахъ, мой милый! слезливо говорила мнѣ мать: какъ тебя Господь донесъ въ этакую не погоду?..

— У меня Николай не трусь, подхватилъ отецъ: ему, какъ говорится, самое море—по колѣно... За одно не хвалю его: отъ Тургеневской земли отказался...

— Да иначе поступить было невозможно, возразилъ я, наливая рюмку водки: я жилъ въ полѣ одинъ какъ куликъ... меня просто-на-просто волки съѣли-бы.

— Ну, вздоръ какой! Завелъ бы ружье, а главное помнилъ бы слова Спасителя: „безъ воли Моей и власъ съ главы вашей не погибнетъ“. А то тамъ какіе-то волки... Его святая воля! Получалъ бы себѣ доходецъ съ имѣньяца да папироски покури-валъ...

— Но вы забываете, папаша, что надо было обзавестись полнымъ хозяйствомъ: нанять работниковъ, закупить лошадей, разныхъ сохъ, боронъ, телегъ... На все это нужны были деньги, а ихъ у меня не было...

— Ну, да ужъ что толковать... не умѣлъ пользоваться случаемъ, теперь и сиди на бобахъ... А, вѣдь, случай-то какой былъ! Чтó для Тургенева значили 30 десятинъ? Тьфу! А ты бы на нихъ жилъ баринномъ...

женился бы тамъ на какойнибудь барышнѣ, за ней прихватилъ бы малую толику... Эхъ, братъ Николай, огорчилъ ты меня своимъ необдуманномъ поступкомъ!

— Я же вамъ говорю: до смерти волковъ боялся... ихъ такая пропасть въ Чаплыгинскомъ лѣсу Ивана Сергѣича... а къ самому этому лѣсу подпирала моя земля...

— Наладилъ одно: волки да волки...

— Ну, что же мнѣ было дѣлать, когда они однажды ночью окружили мою избу и хóромъ выли до самаго утра... Если бы вы были на моемъ мѣстѣ, что бы вы сказали?

— Вѣдь съ тобой былъ караульный.

— Нѣтъ, онъ въ эту „варфоломеевскую“ ночь шлялся по деревнѣ и пьянствовалъ.

— Вишь, замѣтила дьяконица моей матери, держа въ одной рукѣ блюдечко съ чаемъ, а въ другой ложечку съ вареньемъ: волки-то словно знали, что Николай Васильчъ сидитъ въ избѣ одинъ и окружили его сердечнаго...

— Ну, говорю, ружье купилъ-бы наконецъ!.. вспылить отецъ, наливая водки: трахнулъ-бы хорошенько... что-бъ не забылись...

— Именно, подхватилъ пономарь: вспалъ бы имъ горячаго на память, чтобъ знали кто сидитъ въ избѣ...

— Нѣтъ, Назаръ Ивановъ, возразила дьяконица: ружьемъ хуже ихъ остервѣнишь... одного убьешь, а всѣ остальные бросятся...

— Куда-жъ они бросятся? На избу, что-ль? вѣдь Николай Василчъ изъ пзбы стрѣляли-бы...

— Что-жъ? и пзбѣ могли бы сдѣлать какое либо поврежденіе... плетень, напри-мѣръ, лапами оторвать, стекла разбить...

— Нѣтъ, Анна Ивановна, отстаивалъ пономарь: надежнѣе всякаго ружья—молтва... недаромъ сказано: „на аспида и василцка наступиши, на льва и змія, и попереша я“...

— По моему мнѣнію, замѣтилъ отецъ дьяконъ, прожевывая закуску, слѣдовало завести хорошую дубину, или вообще орясину длиною въ оглоблю и сидѣть въ плетневыхъ сѣнцахъ, гдѣ надо прокопать нѣсколько отверстій... какъ только волки набросятся на плетень, такъ сейчасъ по зубамъ, то того, то другаго...

— Будетъ ерунду-то размазывать, прервалъ отецъ. Скажи-ко мнѣ, Николай, лучше вотъ что: давно былъ въ Тулѣ?

— Недавно... сбрую и дугу покупалъ...

— Видѣлся съ дядей, Иваномъ Яковлевичемъ?

— Да! Онъ вамъ кланяется...

— Ну, что мой милый племянничекъ, Глѣбушка, какъ поживаетъ? Ужъ и разутѣшный же мальчикъ, сообщилъ отецъ дьякону, наливая себѣ и ему водки: вотъ какой диковинный мальчикъ: ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать... красавецъ неописанный, а ужъ умница-то, умница-то

какой!.. (рѣчь шла о современномъ писателѣ, который въ описываемое время оканчивалъ курсъ гимназіи). Онъ вдругъ примется поднимать тебя на смѣхъ, а ты вмѣсто того, чтобы обижаться, будешь самъ умирать со смѣху... Я тебѣ что, дьяконъ, скажу? Онъ на своемъ дядѣ (дуракъ у меня есть другой братъ, по имени Семень) верхомъ ѣздилъ! Передъ Богомъ, не лгу...

— Ну, это, какъ хотите, о. Василій, по моему разумѣнію, грѣшно на родномъ дядѣ ѣздить верхомъ...

— Тамъ толкуй, какъ знаешь!.. а вотъ какія чудеса творилъ мой милый Глѣбушка... Да вѣдь ты самъ посуди: что же иначе со скотами прикажешь дѣлать? съ этими олухами царя небеснаго... Жаль одно, что Николай сбиваетъ Глѣбушку съ пути истиннаго: помилуй! братъ Иванъ приуготовалъ заранѣе своему сыну, т. е. Глѣбушкѣ, мѣсто секретаря въ палатѣ (мѣсто самое доходное) съ отличнымъ

жалованьемъ, такъ-нѣтъ! надо молодаго человѣка сбивать съ толку, поджигать въ какой-то университетъ... Да на что онъ нуженъ, этотъ университетъ, скажи ради Бога? Сытъ себѣ—и слава Богу! Николай, какъ самъ бездомовникъ, сбиль спонтальку одну барышню въ нашемъ приходѣ... ты знаешь Завадóвскую? вѣдь она, по милости Николая, бросила свое родовое имѣніе и уѣхала въ Питеръ на какіе-то курсы?! А то ли дѣло? жила бы себѣ барышня въ своемъ имѣніи и не знала бы „ни печали, ни воздыханія“...

— И волковъ бы слушала, замѣтилъ я.

— У тебя, братъ, все волки на умѣ... Эхъ, Николай, доселѣ еще вѣтеръ у тебя въ головѣ!... Ну, вотъ теперь, будемъ говорить, хотъ бы про графа Толстаго... Отчего бы какимъ ни на есть манеромъ не поддѣлаться къ нему и не отхватить у него этакъ десятинъ хотъ 20 земли, какъ у Тургенева...

— Но за то, вставилъ о. дьяконъ, Николай Василичъ пріобрѣли себѣ отъ графа лошадку...

— Экой ты, чудакъ! Во-первыхъ, онъ заработалъ ее перомъ; во-вторыхъ, лошадь какая-то, дѣйствительно, сумасшедшая... Николай мнѣ писалъ про нее, (хоть онъ и забылъ, должно быть, про это): сѣлъ на нее верхомъ, она сейчасъ на дыбы... Запрегъ въ повозку, какъ полоумная, несется, не останавливаясь, отъ станціи до станціи... Ежели ты, напримѣръ, потерялъ шляпу, или какънибудь вывалился изъ телеги, чего избави Богъ, ребенокъ, — она ни за что не дастъ тебѣ поднять ихъ... Ежели теперь встрѣтишься съ роднымъ, или знакомымъ, хотя бы съ самимъ о. благочиннымъ—таже исторія!.. Только и дастъ проговорить: здравствуйте да прощайте!.. Вотъ къ кабаку еще можно ее направить, потому она считаетъ его за постоянный дворъ... да и то больше шка-

лика не дастъ выпить, анафема... въ противномъ случаѣ, — сейчасъ на дыбы, брыкаться и ломать оглобли...

— Она, должно полагать, пояснилъ мой братъ, принадлежитъ къ обществу трезвости...

— Ну, да! подхватилъ мой отецъ: ты, Вáнюшка, знаешь изрѣченіе Гоголя: хотя Александръ Македонскій былъ и великій человекъ, но зачѣмъ-же стулья-то ломать?..

Веселый смѣхъ завершилъ нашу родственную бесѣду.

VIII.

Вѣсти о гр. Л. Н. Толстомъ.

Милый сынокъ! говорила мнѣ мать: отдай одну графскую лошадку Ванюшкѣ, а то у него только парочка, и онъ на ней не доѣдетъ до Кавказа: тарантасъ тяжелый, дѣтей куча.

— Что-жъ, пускай Ваня возьметъ „Сумасшедшаго“, котораго я заработалъ перомъ...

— Да „Сумасшедшій“ не годится для такой дальней дороги... на первой же верстѣ онъ всѣхъ растреплетъ, либо завезетъ куда нибудь въ канаву.

— Нѣтъ! возразилъ мой отецъ: „Сума-

шедшій“ просто жидокъ... на немъ только ѣздить верхомъ...

— Какъ верховая лошадь, онъ никуда не годится, замѣтилъ я: отъѣдетъ версты двѣ—и сейчасъ на дыбы, а если затянешь поводья—опрокинется на спину и сѣдока придавитъ... Словомъ, вамъ угодно „Чалаго?“ Но вѣдь онъ не мой... графскій...

— Ты его послѣ тожъ какъ нибудь работаешь перомъ, для тебя это ничего не стоитъ, зажуужали всѣ мои родные...

— Ну, хорошо, хорошо! воскликнулъ я: позвольте мнѣ нѣсколько подумать...

— Думай, сколько хочешь... потому, до отъѣзда осталось еще цѣлыхъ двѣ недѣли...

Пока я обдумывалъ, какимъ бы манеромъ „поддѣть на перо“, какъ выразился отецъ, другую лошадь Льва Николаича, судьба готовилась нанести моимъ роднымъ тяжкій ударъ... „Чалый“, какъ будто съ горя — что ему предстоитъ далекій путь,

началъ хирѣть, пересталъ ѣсть кормъ и, повѣспвъ голову, въ глубокой задумчивости стоялъ передъ яслями... Въ одно прекрасное утро, онъ заснулъ—мертвымъ сномъ...

„Сумасшедшій, благодаря своей взбалмошности, такъ-таки и отдѣлался отъ своей обязанности тащить обремененный многочисленнымъ семействомъ тарантасъ за тысячу слишкомъ верстъ...

Въ концѣ мая я возвратился въ Ясную Поляну.

— Левъ Николаичъ дома? спросилъ я кучера.

— Никакъ нѣтъ... Они въ Самарской губерніи кумысъ пьютъ.. Пироговскіе пріѣзжали, сказывали, что графъ купилъ тамъ вотъ какую область земли — и не выговоришь: больше десяти тысячъ десятинъ... А что же это вы пріѣхали на одной лошади?

— Да „Чалый-то“ издохъ...

— Тэ-экъ-съ... Значить, приказаль долго жить. Ужь я въ тѣ поры, какъ вы поѣхали отсюда, подумаль: безпремѣнно что нибудь случится съ вами: либо гдѣ нибудь въ зажорѣ искупаетесь, либо лошадей отобьютъ... Ну, слава Богу, хоть сами-то вживѣ остались...

— Ты, Алексѣй, вотъ что сдѣлай: взаменъ „Чалаго“, поставь въ конюшню „Сумасшедшаго“ и скажи графу, что я отъ него отказываюсь...

— Напрасно вы эти слова говорите, Николай Васильичъ: первое дѣло, вы ни въ чемъ не причинны, что у васъ пала лошадь... сами знаете: въ животѣ и смерти Богъ воленъ... второе дѣло, Левъ Николаичъ терпѣть не можетъ „Сумасшедшаго“... за его ухватку... Наконецъ того, я долженъ этому идолу отпустить съно и овесъ, а безъ графскаго разрѣшенія я не могу этого сдѣлать. . Сами посудите... А вотъ лучше всего: не угодно ли

вамъ, съ дорожки, чайку попить со мною да водочкой заняться... Пожалуйте въ анжерею... Я теперь наибольшую часть тамъ живу, потому садовникъ, Мпхей, съ кругу спился и получилъ расчетъ...

Я не отказался отъ гостепримнаго предложенія кучера и отправился въ знакомую оранжерею, гдѣ мы не разъ по долгу бесѣдовали со Львомъ Николаичемъ о литературѣ, о городахъ, какъ разсадникахъ разврата, о „Пропсхожденіи видовъ“, о любви, а больше всего — о кратчайшихъ путяхъ, ведущихъ человѣчество къ счастью ..

— Не правда ли, хорошо здѣсь? внося въ оранжерею самоваръ, съ веселой усмѣшкой, спросилъ меня кучеръ: главная причина, здѣсь много кислороту...

— Откуда ты взялъ это мудренное слово?

— А какъ же! развѣ вы не помните: жилъ у насъ химикъ-швейцаръ... Это я отъ него занялся... Ну, да и то сказать:

пользительная эта наука — химія... дай Богъ помереть!.. Прежде, бывало, чистишь, чистишь конюшню-то съ утра до вечера, п самъ не знаешь, какое теперь дѣйствіе отражаетъ на человѣка этотъ самый конюшенный запахъ?.. А въ настоящій, къ примѣру, моментъ я и близко-то подойти боюсь къ навозной кучѣ... Сейчасъ зажимаю носъ, чтобы, значитъ, ядъ не пропитался въ дыхательное легкое... Очень просто: можетъ случиться кровяное зарожденіе... Ну, и человѣкъ, стало быть, погибъ... Я ужъ за себя мужиковъ заставляю чистить конюшню...

— Прекрасно! гдѣ-жъ теперь этотъ химикъ? Здѣсь, или куда уѣхалъ?

— Давно укатилъ за границу... Да, вѣдь, послушайте, Николай Василичъ: развѣ возможно человѣку, будемъ говорить, полированному и который въ своемъ видѣ, какъ слѣдствуетъ, настоящій учитель, обтесывать, производить въ порядокъ му-

жицкихъ ребятъ? Вѣдь, съ ними съума сойдешь: ты ему говоришь „алтерія“, а онъ кричитъ „бугалтерія“, учитель толкуетъ ему, что такое „кисловротъ“, а онъ долдонитъ „букивротъ“... Да съ этимъ народомъ, я вамъ скажу, и святой-то согрѣшитъ... Вотъ отъ этого, отъ самаго, швейцаръ-то и сбѣжалъ... Да и всѣ учителя развѣхались.... потому, графъ объявилъ имъ, что Яснополянскіе школы закрываются навсегда... амнь!..

Прошло около 27 лѣтъ со дня моего отъѣзда на родину изъ Ясной Поляны. Въ этотъ долгій промежутокъ времени Левъ Николаичъ успѣлъ обзавестись семействомъ, а свою литературную дѣятельность ознаменовать двумя капитальными произведеніями, подъ названіемъ: „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Какими-то судьбами мнѣ пришлось проѣзжать черезъ г. Крапивну, гдѣ я узналъ, что братъ гр. Толстаго — Сергѣй Нико-

лапчѣ, съ которымъ мы нѣкогда находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, состоитъ въ должности крапивинскаго предводителя дворянства. Я на время отложилъ свое путешествіе, рѣшившись во что бы то ни стало, повидаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что его приѣзда въ Крапивну ожидали со дня-на-день. Получивъ извѣстіе, что Сергѣй Николаичъ вмѣстѣ съ Бибиковымъ (предсѣдателемъ земской управы), ближайшимъ сосѣдомъ Льва Николаича, прпбыль въ городъ, я немедленно отправился въ квартиру, которую они занимали... Дѣло было вечеромъ.

— Что вамъ угодно? вѣжливо и съ неподдѣльнымъ участіемъ спросилъ меня графъ.

— Сергѣй Николаичъ, вы не узнаете меня... Помните вы Н. В. Успенскаго?..

— Боже мой! отступая назадъ, съ распростертыми руками, воскликнулъ графъ,

да неужели это вы, Николай Васильичъ... что же это такое? Какъ мы съ вами измѣнились... Ай, ай, ай!... Впрочемъ, и не мудрено: цѣлая четверть вѣка пронеслась съ тѣхъ поръ, какъ вы жили въ Ясной Полянѣ и гостили иногда въ моемъ Пироговѣ... Садитесь, пожалуйста, давайте съ нами обѣдать... Позвольте васъ познакомить: Бибиковъ, Успенскій.

— Да мы давно знакомы съ Николаемъ Васильичемъ, замѣтилъ Бибиковъ: помните, вы однажды, весной, приѣзжали ко мнѣ со Львомъ Николаичемъ...

— Очень хорошо помню, сказалъ я: не забылъ даже, какъ вы со Львомъ Николаичемъ играли въ бильярдъ...

— А вы слышали, братъ—Левъ-то? съ тревожнымъ видомъ обратился ко мнѣ Сергѣй Николаичъ.

— Что такое?

— Исповѣдуетъ вегетаризмъ, пишетъ для народа книжки, ходитъ по святымъ

мѣстамъ въ лаптяхъ... Самъ себѣ готовить пищу, ѣздить по воду съ бочкой, а разъ одной Яснополянской вдовѣ-крестьянкѣ вспахалъ цѣлый осмнникъ земли... Да вы. Успенскій, хорошо знакомы съ тенденціями, которыя онъ проводитъ въ своихъ книжкахъ?

— Еще-бы! Недавно я былъ сельскимъ учителемъ и мнѣ нарочно присылали изъ учлищнаго Совѣта цѣлыя вороха позднѣйшихъ произведеній Льва Николаича, въ которыхъ онъ проповѣдуетъ, что богатство—зло, деньги—пагуба, что мужику нуженъ не надѣлъ, который бы обезпечивалъ его существованіе, а всего только три аршина земли что не слѣдуетъ сопротивлять злу и „аще хочещи совершенъ быти, раздай свое имѣніе нищимъ“ ...

— Ну, да! что вы на это скажете?

— Мнѣ кажется, что Левъ Николаичъ долженъ былъ бы своимъ примѣромъ санк-

пioneerовать тѣ принципы, которые онъ проводить въ своихъ книжкахъ. Отчего бы, на примѣръ, ему не подарить нищимъ свою Ясную Поляну?

— Онъ говоритъ, что она ему не принадлежитъ и что онъ самъ живетъ въ ней, въ качествѣ нищаго, „изъ милости...“

— Ну, вотъ Самарскую землю роздалъ бы бѣднымъ крестьянамъ...

— „Эта земля тоже, говоритъ, не моя... кромѣ лаптей на ногахъ у меня ничего нѣтъ... Когда мнѣ нужно идти въ баню, я и то обращаюсь съ просьбой къ с в о н и м ъ — дать мнѣ пятакъ...“

При послѣдней фразѣ, мы разразились дружнымъ, веселымъ смѣхомъ.

— Дивны дѣла Твои Господи! скрестивъ руки, съусмѣшкой проговорилъ Сергѣй Николаичъ: вы теперь, Успенскій, куда же направляете свой путь?

— Въ Питеръ, если Богъ донесетъ...

— Къ брату заѣдете? Онъ теперь жи-

веть въ Москвѣ, въ Хамовникахъ... я дамъ вамъ адресъ...

— А не сердится на меня Левъ Николаичъ?

— За что же? Богъ съ вами!..

— Помните, я по вашему настоянію, сообщилъ въ семействѣ Ауэрбахъ о неласковомъ обращеніи вашего брата съ однимъ изъ его учениковъ...

— Охъ, батенька! да онъ забылъ объ этомъ и думать: „въ дѣтскомъ возрастѣ, говоритъ, я не такія дѣла раздѣлывалъ...“
Пустяки! непременно заѣзжайте...

На другой день я отправился въ Москву, заручившись подробнымъ адресомъ Льва Николаича.

IX.

Л. Н. Толстой.

Около десяти часовъ вечера, я сѣлъ въ вагонъ третьяго класса, и лишь только поѣздъ тронулся отъ станціи „Ясенки“, какъ одинъ изъ пассажировъ, протирая, занесенное снѣгомъ стекло, воскликнулъ:

— А вотъ сейчасъ будетъ и Ясная Поляна, гдѣ живетъ нашъ знаменитый беллетристъ и философъ, Левъ Николаевичъ Толстой...

— Какъ жаль, что ничего не видать!

замѣтлль другой пассажиръ, стараясь раз-
смотрѣть историческую достопримѣчатель-
ность.

— Однимъ словомъ, райское мѣстечко,
пояснилъ пожилой мужчина съ длинными
волосами, одѣтый въ засаленный подряс-
никъ: мнѣ неоднократно случалось бывать
у графа.. У него два каменныхъ дома—
что твои дворцы!... Прекрасный садъ,
анжерей, разныя службы и надворныя по-
стройки...

— А вотъ подите, возразилъ первый
пассажиръ: самъ обладатель этого райска-
го мѣстечка ходить въ лаптяхъ...

— Я такъ понимаю, смпренно отвѣчалъ
подрясникъ: на нихъ нашло какое либо
затмѣніе... Такъ какъ и съ небесными
свѣтилами случается затмѣніе, то почему
же ему индѣ не помрачать умы и земныхъ
свѣтилъ, съ каковыми достойно есть со-
причислить Льва Николаича...

Вскорѣ между пассажирами возникъ

ожесточенный споръ по поводу воззрѣній и міросозерпаній графа Толстого; по всѣмъ угламъ вагона раздавались слова: политизмъ, деизмъ, дарвинизмъ, социализмъ, коммунизмъ и даже буддизмъ...

— Но вѣдь позвольте, возражалъ одинъ изъ оппонентовъ: у самого Будды не было, какъ говорится, ни кола, ни двора, ни куриного пера, и онъ проповѣдывалъ: „блаженъ мужъ, не имѣющій собственности, и его же стези не вѣдаютъ ни люди, ни духи“... А у графа есть имѣніе и всѣмъ извѣстно, куда онъ въ лаптяхъ пошелъ... въ Оптину ли пустынь, въ село ли Спасское къ Тургеневу, или изъ Москвы въ Ясную Поляну.

— Я объ этомъ не спорю... я хочу только сказать, густымъ басомъ провозглашалъ на весь вагонъ другой диспутантъ:— Толстой въ своихъ книжкахъ для народа намѣчаетъ тѣ пункты или, такъ сказать,

вехи, которые ведутъ человѣчество къ земному счастью...

— Какіе же это пункты?

— Во-первыхъ: не сопротивляйся злу — р-ра-азъ!..

— Другими словами: сди сложа ручка, когда тебя будутъ колотить по затылку?...
Еще, позвольте васъ спросить, какой пунктъ ведетъ людей къ счастью?...

— „Давай больше, бери меньше“...

— Ахъ, да! Это значить: корми другихъ посытнѣе, а самъ живи впроголодь...

— Не токмо впроголодь, подхватилъ полурясникъ, а по писанію, каждый изъ насъ, могій вмѣстить, обязанъ питаться акридами... и дивіемъ медомъ...

— Ну, что-жъ, если всѣ мы, господинъ полонникъ, будемъ питаться акридами, какое значеніе придадите вы тогда ржи, пшеницѣ, вину и елею?

— Да, вѣдь, я говорю: могій вмѣстить... да вмѣстить!!.. А что, конечно, мы по сла-

бости человеческой, засѣваемъ рожь, ячмень, горохъ и всякіе злаки...

— По слабости!.. вдругъ разразился громовымъ голосомъ одинъ изъ пассажировъ: мы ѣдимъ хлѣбъ по слабости человеческой... Ахъ, ты, ханжа! Ужъ не переодѣтый ли ты графъ Толстой?.. Самъ ты пьешь водку?

— Не брезгую мірскимъ подаяніемъ...

— А если тебѣ предложить жаренаго поросенка или утку съ капустой—тоже не откажешься?..

— Паки глаголю: не побрезгую...

— Не только не побрезгуешь, а будешь пожирать сію снѣдь, аки левъ или акула... Какъ же ты проповѣдуешь, что не слѣдуетъ употреблять въ пищу хлѣбъ?.. Признавайся, хватая за руку поломника, продолжалъ ораторъ: ты не графъ Толстой?!

Всѣ пассажиры разразилсь громкимъ смѣхомъ.

— Отвѣчай, кто ты?

— Даю вамъ честное слово, что я не графъ Толстой... Я Владимірской губерніи крестьянинъ... былъ живописцемъ, потомъ звонаремъ при Христовоздвиженской церкви, овдовѣлъ, а послѣ того началъ странствовать...

— То-то же! Смотри у меня, въ другой разъ не проповѣдуй, что люди рождаются на свѣтъ для того только, чтобы умереть голодной смертію, или отъ „изможденія плоти“...

Въ восемь часовъ утра нашъ поѣздъ благополучно прибылъ въ Москву.

Эй, баринъ, баринъ, пожалуйста! нестройнымъ хоромъ кричали извожники, съ изумительной удалю, одинъ передъ другимъ, наѣзжая на пассажировъ, близъ вокзала Московско-Курской желѣзной дороги.

— Въ Хамовники! сказалъ я.

— Одинъ билетикъ, сударь... Ужъ и прокачу, за первый номеръ... Останетесь довольны...

Я сѣлъ въ пролетку, и въ скоромъ времени очутился чуть не на самой окраинѣ Москвы.

Домъ, въ которомъ обиталъ нашъ „безсмертный и геніальный“ беллетристъ, былъ въ полномъ смыслѣ „дореформенный“, барскій домъ или, какъ выражаются наши крестьяне, „барскія хоромы“. Онъ примы-

каль къ обширному саду, и окружень былъ соотвѣтствующими барскому помѣщенію надворными постройками, въ числѣ которыхъ была дворницкая куда я счелъ необходимымъ зайти, чтобы узнать: „принимаетъ ли графъ?“

— По утрамъ они никого не принимаютъ, слышался голосъ изъ-за печки: вечеромъ приходите...

Но мнѣ такъ хотѣлось повидаться со Львомъ Николаичемъ, что я рѣшился войти въ самую „хоромы“.

Въ просторной передней я не встрѣтилъ ни швейцара, ни „слуги“, и долгое время принужденъ былъ осматривать стѣны, мебель, большое зеркало и ведущую вверхъ лѣстницу, устланную коврами и украшенную тропическими растеніями.

Но вотъ слышались чьи-то шаги... я вдругъ увидалъ съ апатичной наружностью лакея въ накрахмаленной рубашкѣ и во фракѣ.

— Что вамъ угодно? небрежно отнесся онъ ко мнѣ.

— Могу я видѣть графа?

— Онъ утромъ никого къ себѣ не принимаютъ...

— Скажите имъ мою фамилію...

Апатичный лакей поднялся на-верхъ, и вскорѣ вынесъ слѣдующую, отрадную для меня. резолюцію:

— Пожалуйте!

Поднявшись по лѣстницѣ, я прошелъ залъ, увѣшанный картинами въ золоченыхъ рамахъ, затѣмъ длинный корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго сопровождали меня двери, напоминавшія меблированныя комнаты. Но вотъ въ самомъ концѣ корридора, показалась коренастая фигура самого гр. Л. Н. Толстаго, одѣтаго въ шпроквію блвзу, подпоясаную ремнемъ ..

— По утрамъ я никого не принимаю, пожимая мнѣ руку, сказалъ графъ, но васъ безъ чаю не отпущу... Садитесь. раз-

сказывайте, гдѣ были и что видѣли? мы съ вами давненько не видались... У брата Сергѣя не были?

— Я видѣлся съ нимъ въ Крапивнѣ... Онъ мнѣ и сообщилъ вашъ адресъ.

— Ну, о чемъ съ нимъ толковали? садясь въ кресло, спросилъ Левъ Николаичъ.

— Все объ васъ... Вы для всего русскаго народа представляете какой-то неразгаданный сфинксъ...

— Ха-ха-ха!.. Это превосходно! Ну, скажите, пожалуйста, за что нарекли меня сфинксомъ, когда я проповѣдую одни только евангельскія истины? „Не сопротивляйся злу“—напримѣръ...

— Но въ Евангеліи, Левъ Николаичъ, этого не сказано, возразилъ я: да и фізіологія вамъ докажетъ, что даже обезглавленная лягушка старается лапой устранить отъ себя уколъ булавкой, въ силу рефлексъа...

— Все это я знаю, и все это читалъ...

Скажите мнѣ лучше. вотъ что: отчего вы бросили должность сельскаго учителя?

— Отъ того, что не хотѣлось пропагандировать или, лучше сказать, заражать молодое поколѣніе вашими тенденціями...

— Вотъ какъ! Заражать?.. Какія же бактеріи вы въ нихъ усматриваете?

— Во-первыхъ, вы въ своихъ твореніяхъ отстаиваете только свое личное счастье, а во-вторыхъ, — вы обстановили свое гнѣздышко такими нарѣзными орудіями, передъ которыми спасовалъ бы нашъ неустрашимый генералъ Скобелевъ... Возмутительнѣй же всего то, что вы свое „личное“ счастье прикрываете общественнымъ благомъ.

X.

Гр. Л. Н. Толстой въ Москвѣ.

Кабинетъ графа представлялъ собою уютное и до нѣкоторой степени поэтическое гнѣздышко, всецѣло располагавшее къ творческой дѣятельности. Два большія окна проливали обильный свѣтъ на письменный столъ, обрамленный красивой, деревянной рѣшеткой; другія два окна смотрѣли въ обширный садъ, въ глубинѣ котораго виднѣлась горка, имѣвшая неоспоримое право считаться излюбленнымъ мѣстопребываніемъ оленей и газелей. Мебель въ кабинетѣ

маститаго беллетриста была, въ полномъ смыслѣ, барская.

— Вы, я слышалъ, были сельскимъ учителемъ? спросилъ меня Левъ Николаичъ.

— Къ счастью, имѣлъ возможность ознакомиться съ этой профессіей, благодаря содѣйствію вашего брата Сергѣя Николаича.

— И что-же?...

— Грѣшный человѣкъ, уклонился отъ этого рода подвижничества...

— Жаль! очень жаль! вы бы много пользы могли принести народу...

— Повѣрьте, Левъ Николаевичъ: требовались сверхъестественныя, нечеловѣческія усилія, чтобы продержаться на этомъ тернистомъ пути хоть два или три мѣсяца. Представьте себѣ грязное, лишенное воздуха помѣщеніе, биткомъ набитое юными слушателями; затѣмъ, буквально искалѣченный шкафъ, наполненный какими-то рваными книжками, которыя были такъ

между собою перетасованы, что въ таблицѣ умноженія, напримѣръ, я находилъ картину жертвоприношенія Авраама, воздѣвающаго непоимѣрной величены ножъ надъ вытянутой шеей Авеля; вашего замерзающаго у часовни странника встрѣчалъ, какъ бы въ качествѣ нѣкоей иллюстраціи, среди описанія дикарей папуасовъ и т. п...

— Отчего бы вамъ не постараться привести школу въ порядокъ?

— Видите, въ чемъ дѣло, Левъ Николаичъ; препорученное мнѣ училище играло роль церковной сторожки, куда въ антрактахъ, между заутреней и обѣдной, стекались прихожане, которые, пользуясь отсутствіемъ замка у шкафа и беспомощно висѣвшими, какъ крылья у подстрѣленной птицы, аляповатыми дверцами, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти рвали учебныя пособія, дѣлали изъ нихъ, такъ называемыя „носогрѣйки“ и, такимъ обра-

зомъ, въ самомъ корнѣ подрывали дѣло народнаго образованія...

— Ну, вы бы купили на свой счетъ замокъ и петли для дверцевъ! возразилъ графъ.

— Не на что было купить и этой бездѣлицы, потому-что, во все время моего служенія въ должности сельскаго учителя, вопросъ о моемъ жалованьи служилъ „яблокомъ раздора“ между училищнымъ совѣтомъ и волостнымъ правленіемъ, во главѣ котораго былъ старшина закадычный другъ нашего училищнаго сторожа. А послѣдній служилъ совершеннымъ „камнемъ преткновенія“ для моей педагогической дѣятельности. Представьте себѣ лежащаго на печи вѣчно-пьянаго отставнаго солдата, который, во время моихъ лекцій, преподавалъ моимъ ученикамъ съ своей патріархальной трибуны такого рода сентенціи:

— Вы слышите, ребята, что вамъ учи-

тель-то говорить? .. „Чти отца твоего и мать твою...“ А ноньче развѣ почитаютъ дѣти своихъ родителей?..“ Ни въ жисть!.. Теперь какое время настало? Братъ на брата, а сынъ на отца... Вотъ и разбирай, кого хочешь...

Толстой весело смѣялся.

— Скажите, пожалуйста, возразилъ онъ: отчего вы не пишете рассказы для народа? Помните вашихъ посорившихся мужиковъ?.. Вотъ хоть бы въ такомъ родѣ вы намъ дали чтонибудь...

— Мнѣ хотѣлось, Левъ Николаичъ, написать для народа что нибудь изъ естественныхъ наукъ...

— Э-э! вздоръ! И не думайте!... Всякая популяризація—мерзость...

— Но вы сами хорошо знаете, что наши мужички не имѣютъ даже понятія о кислородѣ...

— Повѣрьте, имѣютъ! сдѣлавъ недо-

пускающей противорѣчія жестиъ рукой, воскликнулъ графъ... Имѣютъ!..

— Но отчего же, по увѣренію статистиковъ, крестьянскія дѣти умираютъ въ ужасающемъ количествѣ?..

— Пускай ихъ мрутъ! совершенно неожиданно для меня, высказался Левъ Николаичъ, и не замедлилъ пояснить свою мысль: вмѣсто завядшей травки — выростеть другая...

Я сталъ въ тупикъ и не зналъ, что отвѣчать... Авторитетъ, которымъ пользуется Левъ Николаичъ до сихъ дней, какъ психологъ и философъ совершенно сковалъ мнѣ уста...

— Я слышалъ, перемѣнилъ разговоръ графъ: вы были женаты?

— Увы!..

— Почему же такъ?

— Отвѣчу словами Соломона: *vanitas vanitatum...*

— Что за вздоръ? стало быть, не было взаимности?..

Напротивъ, этого добра была черезчуръ много... Вотъ, поэтому-то я больше не признаю такъ называемаго личнаго счастья, которое вы проповѣдуете въ своемъ романѣ „Анна Каренина“.

— Я въ немъ ничего не проповѣдую... я только констатирую факты...

— Неправда! сказалъ я, поднимаясь съ барскихъ кресель, и приготовляясь произнести грозную филиппику нашему забывшему беллетристу, который въ свою очередь всталъ съ мягкаго дивана...

— Чтó же я проповѣдую въ своемъ романѣ? сказалъ графъ.

— Истину, которую давнымъ давно пропагандировалъ блаженной памяти попъ Сильверстъ, отвѣчалъ я.

— А именно?

— „Жена да боится своего мужа“...

— Да развѣ это худо?

— Напротивъ, очень похвально, только, къ сожалѣнію, не ново... Сильверстъ рекомендовалъ для семейнаго счастья „плетку“, а вы сочинили цѣлый романъ, который лучше всякой плетки можетъ скрепить узы Гименя... Вамъ, какъ изобрѣтателю этой творческой плетки, лучше знать, въ чемъ тутъ вся суть заключается... Въ вашемъ романѣ всѣ супруги-мужья, сколько ихъ въ наличности не оказывается, невинныя какъ агнцы и ни одинъ изъ нихъ, влекомый угрызениями совѣсти, не рѣшается броситься подъ паровозъ... Но... Анна Каренина неминуемо должна была экспонировать своей бѣлоснѣжной шейкой на рельсахъ... Какъ ни упрашивали почитатели вашего таланта не производить съ Карениной такую звѣрскую расправу, вы все-таки, съ ловкостью мясника, свое дѣло сдѣлали...

Графъ поблѣднѣлъ. Я продолжалъ:

— Безобразнѣе всего то, Левъ Нико-

лаичъ, что вы послѣ этого роковаго поѣзда, подѣ которымъ погибла ваша „любящая“ героиня, ни-мало не постѣснились раздѣлять ученіе нашего Небеснаго Стратотѣрща, который однимъ своимъ словомъ спасъ блудницѣ отъ избіенія ее каменьями...

— Давно вы не были въ Питерѣ? спросилъ меня графъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Не далѣе, какъ прошлую зиму.

— И въ литературныхъ кружкахъ тамъ резонерствуютъ обо мнѣ въ такомъ же родѣ!

— Всѣ, исключая газеты „Новое время“. Васъ просто на-просто величаютъ пигмеемъ, сидящимъ на исполинскомъ конѣ, съ которымъ вы никакъ не можете справиться. Правда, вашъ творческій талантъ всѣ признаютъ, но... вотъ, подите!.. вашъ умъ сравниваютъ съ пигмеемъ, который никоимъ образомъ не можетъ

справиться съ присущимъ вамъ могучимъ талантомъ—въ живыхъ и неподражаемыхъ краскахъ воспроизводить дѣйствительность... но въ способности обобщать факты и дѣлать изъ нихъ философскіе выводы—всѣ вамъ отказываютъ, за исключеніемъ, повторяю, газеты „Новое время“, которая почему-то вамъ очень симпатизируетъ... и дѣлаетъ глазки...

XI.

Д. В. Григоровичъ.

Мое знакомство съ Дмитриемъ Васильичемъ началось самымъ оригинальнымъ образомъ, благодаря обязательной рекомендаціи А. В. Старчевскаго — издателя газеты „Сынъ Отечества“, въ которой напечатанъ былъ одинъ изъ моихъ рассказовъ.

Подавая мнѣ аляповатое изображеніе какого-то господина съ бакенбардами, г. Старчевскій внушительно произнесъ:

— Вотъ это нашъ знаменитый народный писатель, Григоровичъ... Возьмите себѣ на память... Мы въ видѣ бесплатной преміи,

разсылаемъ этотъ портретъ всѣмъ своимъ подписчикамъ...

Получивъ столь цѣнный подарокъ, я не замедлилъ оповѣстить о немъ всѣхъ своихъ товарищей, вслѣдствіе чего портретъ Дмитрія Васильевича, переходя изъ рукъ въ руки, началъ странствовать по всѣмъ номерамъ медицинской академіи, и такимъ образомъ, не мало способствовалъ популярности знаменитаго беллетриста и возбужденію интереса къ его произведеніямъ.

Какъ извѣстно, беспощадная сила времени ступала имя этого литературнаго корифея, занимавшаго вполнѣ законное мѣсто на ряду съ Тургеневымъ, Толстымъ, Достоевскимъ, Некрасовымъ и Гончаровымъ. Дмитрій Васильичъ на долгое время прекратилъ свою творческую дѣятельность, въ виду появленія цѣлой плеяды новыхъ литературныхъ свѣтилъ, большая часть которыхъ была одержима „граждан-

скою скорбію“ и провозглашала, что „сапоги—выше Пушкина“. Это смутное время даже самого И. С. Тургенева заставило положить перо и сказать: „Довольно!“ Какъ бы то ни было, но мнѣ, какъ сотруднику „Современника“, еще не успѣвшего облачиться въ „ризу спасенія“ захудалаго журнала: „Отеч. Записки“ посчастливилось лично познакомиться съ Дмитріемъ Васильичемъ. Однажды, я получилъ отъ Некрасова приглашеніе къ нему на обѣдъ, за которымъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ г. Григоровичемъ. Наружность знаменитаго писателя, его манеры, даже самый голосъ, сразу очаровали меня. Онъ сидѣлъ со мною рядомъ и громко спрашивалъ автора „Записокъ охотника:“

— Помнишь, Тургеневъ, въ твоёмъ Спасскомъ бѣлаго быка?...

— Какъ не помнить! съ добродушной усмѣшкой, отвѣчалъ Иванъ Сергѣичъ.

— Совершенный египетскій аписъ... Я

ужасно любилъ его... А помнишь, съ какою жадностію ты пстрелялъ сливочное масло?

Тургеневъ на это ничего не отвѣчалъ, а лишь снисходительно улыбнулся. Но вотъ, наконецъ, Дмитрій Васильичъ удостоилъ и меня вопросомъ:

— Что вы теперь работаете, Успенскій?

— Пишу очеркъ, подъ названіемъ „Обозъ“.

— Что-жъ тутъ интереснаго! Вы хотите описать мужиковъ, которые ѣдутъ съ рядой въ городъ?

— Да, робко отвѣчалъ я.

— Но у васъ, мнѣ кажется, ничего не выйдетъ... Что это за сюжетъ!.. Ну, ѣдутъ себѣ мужики и ѣдутъ... Я тутъ ничего не понимаю...

Время показало, однако, какъ глубоко заблуждался Дмитрій Васильичъ. Мой „Обозъ“ стяжалъ мнѣ неувядаемую славу „знатока народнаго быта“, неоднократно

удостоивался чести быть прочитаннымъ на сценѣ Малаго театра Садовскимъ, а въ Александринкѣ ему пришлось даже фигурировать, въ качествѣ драматической пьески, въ бенефисъ Васильева 2-го. Даровитый бенефициантъ, съ присущимъ ему неподражаемымъ комизмомъ, въ такомъ совершенствѣ исполнилъ роль лакея съ отмороженнымъ носомъ, что привелъ публику въ восторгъ. Обутый въ бѣлыя валенки, онъ торопливо бѣгалъ по сценѣ, и кротко говорилъ, держась за свой носъ:

— Хозяюшка, нѣтъ ли у васъ, родная, гусянаго сальца?

— Да что ты развѣ нехристь какой? зычнымъ голосомъ отвѣчала дворничиха: грѣховодникъ этакой!.. развѣ не знаешь, что теперь постъ?

— Да вѣдь мнѣ сало-то не ѣсть, красавица моя, а только помазать носъ! произнесъ Павелъ Васильичъ такимъ тономъ, что вся публика разразилась громкимъ

хохотомъ и наградила бенефицианта долго несмолкавшими рукоплесканіями. Къ сожалѣнію, остальные актеры въ весьма значительной степени ослабили успѣхъ моего миньютюрнаго произведенія, обувшись въ новенькія лапти, напяливъ на себя какіе-то свѣжной бѣлизны балахоны и поставивъ своей непремѣнной обязанностію завалиться на колыхавшуюся во всѣ стороны печку, чѣмъ и привели публику въ крайнее безпокойство и смущеніе...

По окончаніи Некрасовскаго обѣда, всѣ литературныя свѣтила со своими спутниками, подъ вліяніемъ Бахуса, сочли нужнымъ возлечь на мягкихъ, широкихъ диванахъ и потолковать „по душѣ“... Дмитрій Васильчъ подходилъ то къ одной группѣ своихъ собратьевъ, то къ другой, желая, повидимому, тоже произвести *causerie* „по душѣ“, но, замѣтивъ къ себѣ общіе равнодушіе, поторопился оставить гостепріимный

и блиставшій огнями кровь поэта „мести и печали...“ Вслѣдъ удалявшемуся литературному корифею, раздавались чуть не вопли о злосчастной судьбѣ, такъ называемой, „меньшей братіи“, о которой Григоровичъ былъ не совсѣмъ лестнаго мнѣнія. Такъ, на одномъ вечерѣ, окруженный тѣсной толпой слушателей, половину которыхъ составляли дамы, онъ мастерски рассказывалъ о безобразной и антигигіеничной обстановкѣ, среди которой влачить свое существованіе „меньшая братія“, благодаря своей косности и невѣжеству, не поддающимся никакимъ радикальнымъ мѣрамъ.

— Представьте себѣ, говорилъ Дмитрій Васильичъ: ѣду я зимой въ саняхъ, закутанный въ теплую енотовую шубу... А было уже около 9 часовъ вечера... Вдругъ лошади остановились, и кучеръ, почесывая у себя въ затылкѣ, обращается ко мнѣ съ извѣстіемъ:

— Дѣло-то наше съ вами неладно, Митрій Василичъ...

— Что такое? въ испугѣ спросилъ я.

— Мы сбились съ дороги...

— Чего-жъ ты прежде-то смотрѣлъ?

— Господь вѣдаетъ, какъ это случилось... и самъ не знаю...

— Ахъ, ты, Селифанъ, Селифанъ!.. Ну, поѣзжай „на-удалую“... цѣликомъ... авось, куда нибудь да пріѣдемъ...

Кучеръ осенплъ себя крестнымъ знаменіемъ, и мы, „на власть Божию“, понеслись невѣдомо-куда... Я ужъ началъ про себя декламировать извѣстные стихи Пушкина: „Вижу, духи собралися средь невѣдомыхъ равнинъ“, какъ вдругъ услыхалъ собачій лай... Мы въѣхали въ какую-то деревушку и отыскали избу, гдѣ можно было переночевать... Но вы, господа, представить себѣ не можете болѣе отвратительную картину, чѣмъ какую я увидалъ, войдя въ курную избу съ грязнымъ поломъ,

зѣвающими во всю глотку дѣтьми, мычащими телятами, какими-то хрюкающими животными и тускло освѣщенную горѣвшей лучиной, воткнутую въ, такъ называемый, „свѣтецъ“...

— А что такое свѣтецъ, Дмитрій Васильичъ? спросила одна барышня.

— Это такъ себѣ... нѣчто вертикально поставленное среди избы, въ родѣ толстой оглобли...

Зала огласилась громкимъ смѣхомъ...

— Ну, что же, что же далѣе? Рассказывайте, пожалуйста, упрасивали дамы.

— Само собой разумѣется, закуривая папиросу, продолжалъ Дмитрій Васильичъ: ужъ мнѣ было не до сна, тѣмъ болѣе, что и лечь-то было негдѣ... нары, печка, палаты и всѣ лавки были заняты, не исключая и подпечника, въ которомъ помѣщались какіе-то птицы. Поднявъ воротникъ своей енотовой шубы, я усѣлся въ переднемъ углу на конникѣ, съ твердой

рѣшимостью не спать до утра... Но увы! я такъ былъ утомленъ, что невольно задремалъ... Вдругъ пробуждаюсь, и чувствую, что умираю... Огонь въ избѣ былъ ужъ потушенъ; среди кромѣшной тьмы раздавалось дружное храпѣніе... Благодаря невообразимой атмосферѣ, я ощущалъ приступы асфиксаціи и, по чувству самосохраненія, началъ искать дверь... Но ея неказывалось... либо я натыкался на нары, либо на какую нибудь пряху, либо на спящаго теленка... Наконецъ, я впалъ въ обморокъ и безпомощно упалъ на грязный полъ...

— Боже мой! хоромъ воскликнули дамы: это ужасъ. *C'est incroyable*... какъ же вы остались живы?..

— Благодаря простой случайности: я угодилъ головой прямо въ дверь, которая отворцлась и пропустила струю свѣжаго воздуха... Не будь этого, заключилъ Дмитрій Васильичъ: вы бы не услышали отъ меня этого разсказа.

Самые громкіе и восторженныя аплодисменты раздались въ залѣ.

Въ послѣдній разъ я увидалъ Дмитрія Васпльича въ ресторанѣ Доминика, на Невскомъ. Вошедши въ залъ, онъ приказалъ лакею подать себѣ „телячьи ножки“ и затѣмъ, осматривая посѣтителей, вдругъ остановилъ свой взглядъ на мнѣ.

— Успенскій! это вы? подходя ко мнѣ, спросилъ Дмитрій Васильичъ.

Мы пожали другъ другу руку.

— Давно, давно мы съ вами не видались, продолжалъ маститый беллетристъ: сядемте-ко за однимъ столомъ и вспомнимъ старину...

— Откройте намъ секретъ, Дмитрій Васпльичъ, сказалъ я: отчего вы бросили литературу? вѣдь вы знаете, какъ много на Святой Руси почитателей вашего таланта...

— Да некуда стало писать... Во всѣхъ теперешнихъ журналахъ требуется тенденція, гражданская скорбь и развѣнчи-

ваніе авторитетовъ, а я просто люблю изображать картины, которыя мнѣ по сердцу ..

— Ну, вотъ въ своемъ „Гуттаперчивомъ мальчикѣ“ вы провели же тенденцію и прекрасно сдѣлали...

— Это совсѣмъ другое дѣло... тутъ идея органически совпадала съ формой, а вы должны знать, что это рѣдко встрѣчается въ области искусства...

Въ это время слуга принесъ телячьи ножки, которыми и занялся Дмитрій Васильичъ.

— Отчего вы, спросилъ я, оставили свое Кашмирское имѣніе, живописные берега Оки, которые съ такимъ мастерствомъ изображали въ своихъ произведеніяхъ?..

— Просто, не было никакой возможности тамъ жить... Вообразите себѣ такого рода сцену: вваливается въ мой домъ пономарь, окруженный цѣлымъ, или лучше сказать, несмѣтнымъ полчищемъ своихъ золотуш-

ныхъ дѣтей, падаетъ передо мною на-колѣни и начинаетъ умолять:

— Батюшка-благодѣтель, Митрій Василчъ: спасите отъ неминучей гибели... Заставьте за себя вѣчно Бога молить!

— Въ чемъ, въ чемъ дѣло? Расскажи, пожалуйста, съ неподдѣльнымъ участіемъ спрашиваю я.

— Кормить семью не чѣмъ... А вы извольте посмотрѣть на мое потомство: аки песокъ морской... Чортъ укормить такую араву...

— Чѣмъ же я вамъ могу услужить?

— Да у васъ, будемъ говорить, за вашимъ садикомъ, пустуетъ осьминникъ землицы... Пожертвуйте его мнѣ...

— Съ удовольствіемъ, но меня удивляетъ, какимъ образомъ такая скрупулезная частица земли можетъ прокормить ваше многочисленное семейство...

— Ужъ я знаю свое дѣло... не безпокойтесь... Мы съ женой все обдумали...

Я приказалъ своему управляющему совершить у нотариуса дарственную запись, и такимъ образомъ сдѣлать причетника полнымъ обладателемъ сказаннаго осьминника. Чѣмъ же, вы думаете, кончилось дѣло? Пономарь, на вновь пріобрѣтенномъ клочкѣ земли, выстроилъ себѣ... кабакъ, который не замедлилъ сдѣлаться не только вмѣстилищемъ невообразимаго, безшабашнаго пьянства, но и притономъ лошеводовъ, которые въ самое короткое время успѣли украсть у меня тройку лошадей...

Ну, вотъ и живите послѣ этого въ деревнѣ...

ХІІІ.

Встрѣча съ Н. Г. Помяловскимъ.

ородная, широкоплечая фигура молодого человѣка, лѣтъ 30, съ сѣрыми, нѣсколько воспаленными глазами, густыми волосами, зачесанными вверхъ и съ характернымъ шрамомъ на щекѣ, вслѣдствіи золотухи, дастъ читателю приблизительное понятіе о внѣшнемъ видѣ нашего даровитаго и преждевременно угасшаго автора „Мѣщанскаго счастія“, „Молотова“, „Бурсы“, „Брата и Сестры“ и пр.

Однажды, я услыхалъ порывистый звонъ колокольчика въ передней своей квартиры и разговоръ со служанкой:

— Здѣсь живетъ Н. В. Успенскій?

— Здѣсь, сударь... а вамъ что угодно?

— Прежде всего, позвольте мнѣ снять съ своихъ сапоговъ „водохлебы“, т. е. калоши, а потомъ познакомиться съ вашимъ жильцемъ... Николай Васильчъ! рекомендую: Помяловскій... входя въ мою комнату, густымъ басомъ возвѣстилъ посѣтитель.

Я горячо обнялъ нашего незабвеннаго писателя.

— Посылай за тминной, сказалъ онъ, садясь на диванъ: тебѣ, братъ, посчастливилось... ты знаешь народъ... а мнѣ, кромѣ кладбищенства, да столичной суматохи, ничего не пришлось извѣдать...

— Да, вѣдь, и это хорошо, Николай Герасимычъ, сказалъ я, отдавая кухаркѣ приказаніе относительно „тминной“.

— Да, братъ! продолжалъ Николай Герасимычъ. Бурса наложила на меня такія вериги приниженія человѣческой лично-

стп, что я никакъ не могу ориентироваться среди непроглядной и грозной тучи „вопросовъ жизни...“ а въ концѣ концовъ, по примѣру многихъ своихъ собратій, я сталъ искать *veritosis... vino...* тѣмъ болѣе, что такой авторитетъ, какъ Н. А. Некрасовъ увѣряетъ каждого изъ своихъ сотрудниковъ, что на Руси жить хорошо одному только пьяному... Вотъ пьянство и сдѣлалось мнѣ широкимъ знаменемъ, подъ которымъ я считаю своею обязанностію стоять и даже этимъ знаменемъ гордиться...

Николай Герасимычъ прошелся по комнатамъ и прогремѣлъ замѣчательнымъ басомъ: „а жена да боится своего му-у-у-жа!“

— Слушай, Успенскій, вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ Помяловскій: вѣдь мы съ тобой сла... не правда-ли? Давай, бросимъ литературу!.. Вѣдь ты очень хорошо знаешь, что ея судьбами

заправляютъ эксплуататоры, которые высасываютъ изъ насъ кровь...

— Ну, а чѣмъ же мы съ вами будемъ заниматься?

— Во первыхъ, откроемъ булочную... Это, я тебѣ скажу, очень выгодно... потому, тутъ главную роль играетъ припекъ... затѣмъ, сами будемъ издавать какой нибудь дневникъ, или газету...

—
Въ одинъ ненастный осенній вечеръ, я получилъ извѣстіе, что Николай Герасимычъ скончался въ клиникѣ, на Выборгской сторонѣ. Я поторопился „отдать послѣднее цѣлованіе“ незабвенному собрату, трупъ котораго покоился на красномъ столѣ, въ ожиданіи „вскрытія“, которое производилъ знаменитый анатомъ Груберъ, окруженный многочисленной толпой студентовъ.

Какіе результаты обнаружило „вскрытіе“ мнѣ неизвѣстно...

XIV.

В. А. Слѣпцовъ.

Былъ ненастный ноябрьскій вечеръ. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ; вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и я увидалъ дробную фигуру въ очкахъ, съ клинчобразной бородой.

Выйдя изъ за стола, я поспѣшилъ на встрѣчу неожиданному гостю, въ которомъ узналъ А. И. Левитова.

— Я тебѣ не помѣшалъ? тихо спросилъ онъ, снимая съ себя верхнее платье.

— Напротивъ, ты очень обрадовалъ меня своимъ посѣщеніемъ.

— Кажется, ты что-то писалъ?

— Начальъ разсказъ изъ народнаго быта, подъ названіемъ „Змѣй“.

— Эта какой же такой „змѣй“, ужь не „огненный“ ли?..

— Видишь ли, въ чемъ дѣло: нѣкій сельскій огородникъ вздумалъ по ночамъ дѣлать визиты одной придурковатой дѣвкѣ въ то время, когда она находилась въ объятіяхъ Морфея... Мужики рѣшили, что къ ней прилетаетъ змѣй...

— Понимаю, понимаю!.. Я тоже обдумываю недурную вещицу, только сперва надо у кого нибудь заполучить авансу... А что-же, садясь на диванъ, умиленно проговорилъ Александръ Ивановичъ: не угостишь водочкой?

— Непремѣнно!..

Мы выпили по стаканчику; бесѣда наша оживилась.

— Знаешь, какую новость я тебѣ сообщу? торжественно возвѣстилъ мой собратъ „по перу“.

— А именно?

— На Знаменской улицѣ, въ великолѣпнѣйшемъ домѣ открылась коммуна...

— Это что такое? Я тебя не понимаю...

— Коммуна происходитъ отъ слова *communis*—общій... Другими словами, открылось общежитіе, благодаря почину, авторитету и энергіи Слѣпцова... Ты не знакомъ съ нимъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— „О-о! познакомься непременно!“ скажу я словами Репетилова. Но что особенно прискорбно: Василій Алексѣичъ послѣ своей повѣсти: „Трудное время“ не пишетъ ничего.

„Вотъ этакихъ людей-то съчь,

Да приговаривать: писать, писать, писать!..“

— Однако, расскажи мнѣ что нибудь про эту коммуноу.

— Дѣло въ томъ, что въ ней живутъ образованные молодые люди и дѣвушки вмѣстѣ, ежемѣсячно взнося въ общую кассу известную сумму денегъ, которыми завѣдуетъ Слѣпцовъ... Что-жъ? мысль во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная... Ты вотъ, напримѣръ, платишь за свою комнату 12 р. и за свои же деньги подвергаешься оскорбленіямъ со стороны невѣжественной квартирной хозяйки, умираешь съ тоски въ одиночествѣ, среди четырехъ облупленныхъ стѣнъ, не имѣя и сотой доли тѣхъ удобствъ, которыми пользуются обитатели коммуны: а тамъ ты, сидя передъ каминомъ, можешь усладить свой слухъ звуками піанино или арфы, отводить душу бесѣдой съ интеллигентными людьми, имѣешь подъ рукой всѣ газеты и журналы... да, наконецъ, прими во вниманіе женскій персоналъ, который, что ни говори, не мало способствуетъ подъему духа... Давай-ка выпьемъ...

— Ну, скажи, отчего-бы намъ съ тобой не жить въ такомъ раю?.. Для меня и для тебя совершенно безразлично, кому не платить 12 р. въ мѣсяцъ...

— Нѣтъ! насъ съ тобой туда не примутъ...

— Это почему?

— А вотъ на какомъ основаніи: сегодня у насъ имѣются деньжонки, а завтра и даже послѣ завтра—ни гроша... Въ комунѣ же требуется аккуратный взносъ... тамъ, братъ, свой уставъ, составленный Слѣпцовымъ... Я разъ говорилъ ему, дескать, нельзя ли мнѣ, въ 'качествѣ хоть парія, какъ нибудь пріютиться у васъ, хоть, примѣромъ будемъ говорить, въ кухнѣ...

— Ну, нѣтъ! сказалъ Василій Алексѣичъ: это невысказано, во-первыхъ потому, что у насъ въ кухнѣ соблюдается самый строгій, педантическій порядокъ, а ты любишь, вслѣдствіе катарра, чуть не

черезъ двѣ-три минуты плевать... Во-вторыхъ, ты любишь выпить и изъ кухни можешь какъ нибудь ворваться въ самую коммуны и бушевать... А главное, всѣ вы, народные писатели, страдаете безденежьемъ, а у насъ живутъ люди болѣе или менѣе обезпеченные: тутъ есть и дочка графа, и сынокъ Титъ Титыча... Нѣтъ, Левитовъ, ты эту кухню выбрось изъ головы... Я лучше буду, по временамъ, оказывать тебѣ пособіе въ формѣ какого нибудь пиджака, трехъ рублей, стеариновыхъ свѣчей и т. д. Такъ поѣдемъ, если хочешь? возгласилъ Левитовъ, допивая послѣдній стаканъ водки: объ извоцикѣ не заботься... Слѣпцовъ ему заплатить.

Мы отправились. Я былъ не мало изумленъ, когда Левитовъ, по пріѣздѣ на Знаменскую улицу, приказалъ извоцику остановиться у ярко освѣщеннаго подъѣзда громаднаго дома, напоминавшаго своей внушительной наружностью совершенный

дворецъ. Съ необычайной развязностью, Александръ Ивановичъ миновалъ солиднаго швейцара съ булавой, и началъ подниматься по лѣстницѣ, украшенной статуями греческихъ боговъ и экзотическими растеніями. Слѣдуя за своимъ собратомъ, я ужъ началъ подозрѣвать его въ сильномъ куражѣ, когда онъ вдругъ остановился на первой площадкѣ и съ необыкновенной силой нажалъ пуговку электрическаго звонка...

— Вотъ, братъ, гдѣ помѣщается коммуна-то, многозначительно проговорилъ Левитовъ... а ты думалъ, гдѣ нибудь подъ крышей?.. Нѣтъ! что ни говори, а Слѣпцовъ философъ... онъ знаетъ свое дѣло...

Мы очутились въ роскошной квартирѣ съ необозримой амфиладой комнатъ, освѣщенныхъ люстрами, лампами съ затѣйливыми обажурами и бра на стѣнахъ. Повсюду слышался веселый, шумный говоръ,

смѣхъ; споры, а гдѣ-то вдали раздавались мелодичные звуки фортельяно. Но вотъ и самъ Слѣпцовъ.

— А-а! Александръ Ивановичъ! раздался привѣтливый голосъ. Съ кѣмъ это ты?...

— Ты не знакомъ съ Н. В. Успенскимъ? таинственно возвѣстилъ Левитовъ.

— Очень, очень приятно...

Передо мной стояла стройная фигура красиваго молодаго человѣка съ черными, какъ смоль, волосами и бородой. Это и былъ даровитый и преждевременно угасшій писатель Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ. На немъ была щегольская куртка, а на головѣ красовалась шапочка съ золотой кисточкой.

Слѣпцова окружалъ цѣлый сонмъ красивыхъ дѣвушекъ, которымъ я и былъ представленъ любезнымъ заправителемъ коммуны...

Мы усѣлись „чинно въ рядъ“, и въ первыя минуты не знали, съ чего начать раз-

говоръ. Спасибо, Левитовъ вывелъ насъ изъ затруднительнаго положенія.

— Что же, Василій Алексѣичъ, смпренно началъ онъ, водочкой попотчуеть?..

— Ахъ, да! вставая съ кресель, воскликнулъ Слѣпцовъ: вы, Николай Васильичъ, пьете водку?

— Потребляю...

— А то не хотите-ли, у меня есть шартрезъ, шато д'икемъ, шато-марго, лафитъ...

— Нѣтъ, начнемъ лучше съ водки...

— Ну, и прекрасно и я выпью...

— Василій Алексѣичъ! вдругъ воскликнула одна дѣвушка, держа въ рукахъ какую-то увѣсистую книгу: скажите мнѣ, что значить „Сплонхнологія...“

— А чортъ ее знаетъ! отвѣчалъ Слѣпцовъ: вотъ у Левитаго надо спросить... онъ учился въ семинаріи и знаетъ древніе языки...

— Спланхнологія, задумчиво произнесъ Левитовъ, тыкая вилкой въ селедку...

Это... это... я вамъ скажу, такая забористая наука... Николай! обратился онъ ко мнѣ: вѣдь ты учился въ медицинской академіи и долженъ знать, что это за штука такая?..

— Сплонхнологія, сказалъ я, ученіе, о внутренностяхъ...

— А патологія? спросила дѣвушка.

— Наука о болѣзняхъ...

— А синдесмологія?

— Ученіе о связкахъ...

— Да, ну васъ совсѣмъ, Скрипицына! гнѣвно воскликнулъ Слѣпцовъ: уйдите, пожалуйста, отсюда... Нашли время толковать о какихъ-то синдесмологіяхъ...

Дѣвушка покорно вышла изъ комнаты, въ которой мы сидѣли.

— Давно не былъ у Некрасова? спросилъ у Слѣпцова Левитовъ.

— Вчера обѣдалъ у него...

— Ну, обо мнѣ не заходила рѣчь?

— Какъ-же! Все, какъ быть слѣдуетъ...

Всѣ соболаѣзнують, что ты много пьешь...
Вредно, братъ, я тебѣ по душѣ скажу...

— А имъ, этимъ литературнымъ плантаторамъ, не вредно каждый вечеръ пьянствовать въ клубѣ, да объѣдаться. Я удивляюсь, какъ у нихъ не произойдетъ заворота *intestini recti*...

— Ну, да тамъ, Александръ Ивановичъ, пьютъ не сивуху, а шампанское... Это большая разница...

Въ это время вошла другая дѣвушка, и объявила Слѣпцову:

— Василій Алексѣичъ! Что вы мнѣ посоветуете читать?

— Разумѣется, начните съ классиковъ: читайте Гомера, Ксенофонта, Фукидида, „Параллели великихъ мужей“, Плутарха, Тацита... а послѣ я вамъ скажу, что дѣлать, только, пожалуйста, умоляю васъ, оставьте насъ въ покоѣ...

Дѣвушка не замедлила удалиться...

— Однако, братъ, ты навьючилъ ба-

рышню-то, какъ верблюда какого, своими совѣтами... замѣтилъ Левитовъ, беспомощно раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Я шепнулъ ему, что пора ѣхать. Онъ вдругъ встрепенулся, и подавая руку Слѣпцову, проговорилъ:

— Ну, до свиданья!

Затѣмъ, пошептавъ ему что-то на ухо, Слѣпцовъ досталъ изъ кармана, какую-то незамѣтную вещь, вручилъ ее Левитову и мы отправились во свояси...

—

— Ну, что, какъ нравится тебѣ Слѣпцовская коммуна?

— Признаюсь, Александръ Ивановичъ, она пришлась мнѣ не совсѣмъ по душѣ...

— А-а! Вотъ-то-то и есть... а ты говоришь, какъ бы намъ тутъ основать свою резиденцію... Да чортъ тутъ не жилъ!.. громко возвѣщалъ Левитовъ, проѣзжая по Невскому. Представь себѣ такое безобразіе: съ утра до ночи Слѣпцовъ окруженъ

барышнями, которыя безъ всякаго милосердія осаждаютъ его вопросами: „что имъ дѣлать? какую стезю жизни избрать?..“ А онъ надуется какого нибудь шартрезу и возвѣщаетъ:

— Надо всѣмъ идти въ народъ!!!

— Что-жъ тамъ дѣлать? спрашиваютъ его поклонницы...

— Отвяжитесь отъ меня, Христа ради... Что хотите, то и дѣлайте... можете быть учительницами, акушерками... мало ли дѣла въ деревняхъ?..

— А вы съ нами пойдете?

— Благодарю покорно! Я пѣшкомъ выходилъ весь Осташковскій уѣздъ и меня мужики однажды чуть не убили до смерти...

— За что же?

— За то, что я во время одного крестнаго хода не снялъ шапки передъ иконами...

Не долго процвѣтать суждено было комунѣ... Не просуществовавъ двухъ-трехъ

мѣсяцевъ, она, по распоряженію начальства, была закрыта, вслѣдствіе какихъ причинъ, мнѣ неизвѣстно. Левитовъ увѣрялъ меня, что въ этомъ „раѣ Магомета“ между гуріями, которыя всѣ поголовно пылали неукротимой страстью къ красивому литератору, возникли такіе конфликты, которые грозили превратиться въ рукопашныя схватки и даже побоища... Съ своей стороны я мало придаю вѣроятію такому сообщенію.

По слухамъ, Василій Алексѣичъ, во цвѣтѣ лѣтъ, скончался отъ изнурительной болѣзни, которая въ патологій, носитъ названіе: „irritotio brinalis“... Она является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ эротическихъ эксцессовъ, какъ гласитъ медицина, къ которой я всегда относился скептически...

XV.

Дѣтство Гл. И. Успенскаго.

БЫЛО бы крайней несправедливостью, сообщая хотя бы и летучія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, не упомянуть о такомъ крупномъ и выдающемся литературномъ дѣятелѣ, какъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ разнаго рода корифеевъ, онъ и гр. Толстой украшаютъ своими сильными фигурами опустѣвшій Парнасъ, къ вершинѣ котораго, какъ извѣстно, ведетъ „дорога негладкая...“ Къ сожалѣнію, оба названные писатели, пови-

димому, находятся не совсѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ между собою.

Между воззрѣніями Гл. Успенскаго и гр. Толстого заключается цѣлая бездна, и въ литературной дѣятельности того и другаго усматривается самый напряженный антагонизмъ, производящій удручающее впечатлѣніе на читающую публику.

Я зналъ Глѣба Иваныча съ самаго ранняго его возраста, благодаря тому простому обстоятельству, что „привожусь“ ему двоюроднымъ братомъ. Я былъ смиренный бурсакъ, воспитывавшійся на „мѣдныхъ деньгахъ“ и содержавшійся въ „черномъ тѣлѣ“, а онъ проходилъ гимназическій курсъ и пользовался всѣми земными благами отъ трапезы „богатаго Лазаря“—своего отца, который занималъ должность секретаря въ палатѣ государственныхъ имуществъ и имѣлъ возможность не только жить на барскую ногу, но и благодѣтельствовать своимъ „приснымъ“ (а ихъ было

цѣлый легіонъ), выдавая замужъ какую нибудь родственницу за сельскаго учителя, дьякона или „палатскаго“ чиновника, снабжая совѣтами и деньгами сомнительнаго вида „погорѣвшаго“ пономаря, который являлся къ нему въ качествѣ „земляка“, односельца или товарища по семинаріи, изъ которой онъ, яко-бы по недостатку средствъ, возвратился вспять... На дворѣ Ивана Яковлича (отца Глѣба Иваныча) ежедневно толпилась масса народу, въ которой можно было встрѣтить и цыгана, продающаго лошадь, и сельскаго „голову“, увѣшаннаго медалями и державшаго въ рукахъ обширную лохань съ живыми карпіями и баснословной величины налимими, равно какъ и цѣлое полчище дьячихъ, пономарей, семинаристовъ и даже спившихся съ круга профессоровъ семинаріи, преподавателей „герминевтики и обличительнаго богословія“, невѣрными шагами пробравшихся сквозь толпу на-

рода, въ прелестный садъ съ клумбами цвѣтовъ, бесѣдкой, на куполѣ которой, эффектно отбѣняемая голубымъ фономъ, мерцали яркія звѣзды, и наконецъ скромно ютившейся у забора баней, гдѣ, обыкновенно, находили себѣ безмятежный покой всѣ полупьяные родственники Ивана Яковлича, не исключая лицъ „сладкой породы“ въ образѣ какого нибудь геркулесовскаго тѣлосложенія протодіакона, напоминавшаго своей ужасающей персоной мифическаго Полифема, который нѣкогда хотѣлъ съ аппетитомъ поужинать Одиссеемъ и его спутниками.

Преобладающій составъ контингента посѣтителей отца Гл. Иваныча составляли крестьяне — „одно-дворцы“, стоявшіе на очереди „отбыванія воинской повинности“ и сгаравшіе непреодолимымъ желаніемъ, чтобы имъ „выстригли затылокъ“, а не „лобъ“, — причемъ каждый изъ нихъ запасался извѣстнымъ приношеніемъ. Почти

всѣ они сплошной массой толпились въ длинномъ и просторномъ корридорѣ, который представлялъ изъ себя подобіе вокзала желѣзной дороги...

При такой обстановкѣ провелъ свое дѣтство и отрочество нашъ талантливый, современный писатель, Глѣбъ Ив. Успенскій. Нельзя сказать, чтобы эта обстановка не благопріятствовала развитію его творческихъ силъ. Съ юнаго возраста онъ былъ уже знакомъ съ типомъ какого нибудь сельскаго „голова“ или старосты, съ сельскимъ духовенствомъ и печально доживающимъ свой вѣкъ мужичкомъ, по милости „забритаго лба“ его кормильца-сына...

Считаю не лишнимъ замѣтить, что мой отецъ весьма ловко пользовался вліяніемъ своего брата на судьбу „однодворцевъ:“ расхаживая по приходу, онъ положительно терроризировалъ цѣлыя деревни, оповѣщая всѣхъ и каждого, что ему стоитъ толь-

ко написать двѣ строки б р а т у, чтобы низвергнуть чуть не въ область Аида любую крестьянскую семью...

А между тѣмъ, даровитый и впечатлительный мальчикъ (будущій знаменитый русскій писатель) жадно всматривался въ ужасающую дѣйствительность и съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ рассказы о народномъ бытѣ...

Мое отрочество и дѣтство Глѣба Иваныча Успенскаго представляли собою два радіуса, центромъ которыхъ служилъ намъ общій дѣдушка, пономарь Чернскаго уѣзда, имѣвшій счастье принимать въ своей скромной хижинѣ И. С. Тургенева. Направленія упомянутыхъ радіусовъ выражалось въ томъ, что я, несмотря ни на какія метеорологическія пертурбаціи, совершалъ путешествіе въ семинарію пѣшкомъ, а юный Глѣбъ Иванычъ ѣздилъ въ гимназію на щегольской пролеткѣ и прилежно учился, ежедневно отдавая строгій

отчетъ въ своихъ успѣхахъ родителю; я всячески старался уклониться отъ слуша- нія лекцій семинарскихъ профессоровъ и возвращался изъ рассадника благочестія въ свою квартиру, встрѣчаемый извѣсти- емъ кухарки, что руководители моего ум- ственнаго и нравственнаго развитія всѣ, безъ исключенія, разошлись по тракти- рамъ. Глѣбъ Иванычъ, какъ ученикъ, былъ образцомъ трудолюбія и прилежанія, а мое имя было синонимомъ упорной лѣ- ности, не поддающейся никакимъ мѣрамъ, въ числѣ которыхъ первенствующее мѣс- то занимала экзекуція...

Какъ городской житель и сынъ „дѣло- производителя“ палаты государственныхъ имуществъ, Глѣбъ Иванычъ долженъ былъ *volens-nolens* ежедневно выслушивать бесѣ- ды „палатскихъ“ чиновниковъ о „повыше- ніи, пониженіи, награжденіи, перемѣщеніи, о годовыхъ отчетахъ и прибавкѣ жало- ванья, о забранныхъ лбахъ и затылкахъ,

не имѣя ни малѣйшей возможности составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе о томъ, какой эффектъ производятъ эти „забритые лбы и затылки“ въ дѣйствительной жизни и какими потрясающими душу сценами они сопровождаются при своемъ появленіи въ крестьянскихъ избахъ. Онъ не зналъ, напримѣръ, что „забритый“ лобъ наполнялъ цѣлыя тысячи крестьянскихъ избъ плачущими бабами и съ горя пьянствующими мужиками, а „выбритый“ затылокъ служилъ законнымъ мотивомъ къ безшабашному разгулу и веселію.

Юный Глѣбъ Ивановичъ, прогуливаясь въ лѣтнее время въ „Кремлевскомъ“ саду и слушая тошнотворную „духовую“ мѣзгу представить себѣ не могъ, что въ жизни обрѣтаются другія, ни съ чѣмъ не сравнимыя радости, которыми даритъ человѣка наша мать—природа... Онъ никакъ бы не повѣрилъ, еслибы ему сказали, что де-

рѣвенскій мальчикъ, ѣдущій лѣтнимъ вечеромъ съ поля вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и держащій въ рукахъ охапку молодаго гороха, не въ примѣръ счастливѣе маленькаго гимназиста, присматривающагося къ разряженнымъ кухаркамъ, горничнымъ и разнымъ „барышнямъ“ сомнительнаго поведенія, своими фигурами въ конецъ отвращающимъ прогулку свѣжаго человѣка въ „Кремлевскомъ“ саду...

XVI.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УСПѢХИ

Г. И. Успенскаго.

Отецъ Глѣба Иванныча ревностно оберегалъ будущаго даровитаго писателя отъ знакомства съ бытомъ простаго народа, воспитывая его, какъ настоящаго барича, которому строго на́строга внушалось не заводить знакомства съ семинаристами, мѣщанами, тульскими оружейниками, а пуще всего съ мужиками. Ему предначалась блестящая карьера „палатскаго“ сановника, который, по сущей правдѣ, могъ бы сказать своей душѣ: „яждь, пій и веселись!“ Но вышло на-оборотъ: барство во всѣхъ его

видахъ и формахъ не пришлось Глѣбу Иванычу по душѣ. Лишь только онъ достигъ юношескаго возраста, всѣ его симпатіи стали неудержимо клониться на сторону простой деревенской жизни, изученію и художественному воспроизведенію которой онъ посвятилъ все свое оригинальное дарованіе, достигшее своего апогея въ произведеніяхъ: „Нравы Растеряевской улицы“ и „Власть земли“.

Однажды, лѣтомъ, Глѣбъ Иванычъ посѣтилъ мою деревенскую квартиру, близъ г. Черни, Тульской губерніи. Переступивъ порогъ, онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ воскликнулъ:

— Боже мой, какъ у тебя хорошо!... Экая прелесть!... Ну, братъ, ты, по истинѣ, можешь назваться счастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Вонъ гуси плывутъ по рѣкѣ... Я какъ-то видѣлъ гусей въ Петербургѣ на дворѣ, гдѣ ни единой капли воды не было... Ты не можешь себѣ представить

этихъ, покрытыхъ какою-то сажей, несчастныхъ птицъ. Я ужъ думалъ, глядя въ окно, не пингвины ли это, какіе, — о которыхъ такъ подробно повѣствуетъ Дарвинъ... А это, скажи пожалуйста, кто идетъ по лугу? внезапно обратился ко мнѣ съ вопросомъ дорогой гость, глядя въ растворенное окно.

— Нашъ причетникъ.

— Нельзя ли, зазвать его сюда да побесѣдовать... Небойсь, водки нужно?

— Устроимъ все, какъ слѣдуетъ... Эй! Софрованычъ! Заходи сюда...

— Это кто-жъ такіе будутъ? входя въ мою комнату и указывая на Глѣба Иванаыча, спросилъ меня причетникъ.

— Рекомендую: мой двоюродный братъ, сынъ известнаго вамъ дѣлопроизводителя палаты государственныхъ имуществъ.

— Боже праведный! да неужели это сынокъ Ивана Яковлича, моего незабвеннаго благодѣтеля, который помогъ

мнѣ выдать старшую дочь за волостнаго писаря..

— Ну, будетъ объ этомъ толковать!.. Вы лучше расскажите, куда ходили, что видѣли, слышали?.. Не угодноли водочки?..

— Спасивася Царица Небесная!.. ходилъ я въ волостную насчетъ загону... Никакого толку не вышло... Было одно только перекобыльство... съ позволенія вашего, сказать...

Глѣбъ Ивановъ разразился неудержимымъ хохотомъ и, отозвавъ меня въ сосѣдную комнату, сказалъ:

— Уступи мнѣ это слово...

— Какое? изумился я.

— „Перекобыльство“. Мнѣ хочется вставить его въ діалогъ своихъ героевъ..

— Пользуйся имъ, сколько угодно, тѣмъ болѣе, что оно мнѣ не нравится...

Въ это время причетникъ съ тревожнымъ видомъ извѣстилъ насъ:

— Господа! ради самого Бога, спряч-

тесъ куда нибудь... Сюда идетъ самъ атаманъ-разбойникъ!.. Онъ вамъ покою не дастъ...

— Какой такой атаманъ?

— Зарѣшенный дьяконъ... изъ села Голенищей... пьяница—не накажи Господь! Онъ всѣхъ своихъ родныхъ поголовно въ смятеніе привелъ...

Вдругъ въ передней раздался могучій басъ:

— Хозяину дома сего—здравія, душевнаго спокойствія и во всемъ благаго поспѣшенія...

— Пойдемъ, пожалуста, посмотримъ, что за личность, радостно проговорилъ Глѣбъ Иванычъ, какъ ребенокъ, которому предстояла возможность увидать живаго льва или тигра.

Едва мы вступили въ залъ (широкая комната съ скрипучимъ поломъ), какъ передъ нашими глазами предстала колоссальныхъ размѣровъ высокая фигура, съ вклю-

кочеными волосами и опухшими глазами, одѣтая въ засаленный, темный подрясникъ.

— Считаю долгомъ аттестовать себя благороднымъ лицамъ, продолжалъ незнакомецъ: отрѣшенный отъ должности сельскаго діакона, вслѣдствіе злокозненныхъ ухищреній мѣстнаго благочиннаго, Іоаннъ Златоверховниковъ; нѣкогда получалъ за чтеніе апостола на свадьбахъ по 25 р... одѣвался въ порфиру и виссонъ и, какъ евангельскій богачъ, говорилъ самому себѣ: разорю житницы моя и большія созижду... Но между прочимъ, провидѣнію угодно было допустить, чтобы злоухищренія благочиннаго села Голенищей превозобладали надъ моею судьбой...

— Вотъ типъ-то!... шепнулъ мнѣ Глѣбъ Иванычъ: Послушай... отдай мнѣ его...

— Сдѣлай милость!.. только я недоумѣваю, какимъ образомъ я преподнесу тебѣ этотъ презентъ!...

— А вотъ какимъ образомъ: ты отправляйся на охоту... (вѣдь у тебя есть ружье) или куда нибудь гулять... хоть въ Чернь... а я займусь этимъ индивидуумомъ...

— Какъ бы тебя этотъ индивидуумъ не укокошилъ въ пьяномъ видѣ?..

— Волковъ бояться---въ лѣсъ не ходить...

— Bravo! сказалъ я и, вскинувъ ружье на плечо, вышелъ изъ своей квартиры, оставивъ съ глазу — на глазъ русскаго Брема съ хищнымъ животнымъ, которое предназначалось быть возведеннымъ „въ перлъ созданія...“

Возвратившись съ охоты, я увидалъ моего гостя сидѣвшимъ за некрашенымъ столомъ, въ переднемъ углу, и занятымъ письменной работой.

— Не помѣшалъ я тебѣ, Глѣбъ?

— Напротивъ, я тебя жду-не-дождусь... Отъ скуки заказалъ хозяйкѣ самоваръ и принялся рыться въ твоихъ бумагахъ...

Ты ужъ извини... Мнѣ ужасно понравилось начало твоего разсказа подъ названіемъ: „Сцены на постояломъ дворѣ...“ Я никакъ не могъ удержаться, чтобы не продолжать его... Вотъ прочти, что я написалъ...

Я просмотрѣлъ сценку, начерченную мастерскимъ перомъ Глѣба Иваныча и дружески пожалъ ему руку.

— Теперь и ты помоги мнѣ, сказалъ онъ: у меня въ одной повѣсти должны разговаривать мѣщане... Что ты будешь дѣлать?.. Никакъ не могу справиться съ жаргономъ этихъ господъ...

Я немедленно исполнилъ желаніе Глѣба Иваныча, и мы приступили къ чаепитію...

Власть земли и Власть тьмы.

(Соч. Гл. Успенскаго и гр. Л. Н. Толстаго).

I.

Станція Валдай! поѣздъ стоитъ пять минутъ, возвѣстилъ кондукторъ, зажигая свѣчи въ вагонѣ 3-го класса.

— Занято? спросилъ меня господинъ въ мѣховой, занесенной снѣгомъ, шубѣ.

— Нѣтъ.

— Вы куда?

— Въ Москву.

— Значить, мы съ вами попутчики...

Зазвенѣлъ колокольчикъ и поѣздъ тронулся...

— Глѣбъ! это ты?

Мы обнялись съ кузеномъ и горячо расцѣловались...

— Будемъ говорить потише... Здѣсь сидитъ графъ...

— Знаю... Я нарочно сѣлъ къ нему спиной... Ты знаешь, мои „Воспоминанія...“

— Э, вздоръ какой! Чѣмъ ты откровеннѣе будешь писать, тѣмъ лучше... Я сейчасъ пойду къ автору „Власти тьмы...“

— Что-то будетъ!.. подумалъ я, провожая взглядомъ автора „Власти земли...“

Не прошло и двухъ минутъ, какъ я услышалъ слѣдующій діалогъ двухъ знаменитыхъ писателей:

— Признаюсь, Успенскій, мнѣ ваша „Власть земли“ не понравилась...

— Точно также, какъ и мнѣ ваша „Власть тьмы...“ Конечно, *de gustibus non est...* Но въ свое оправданіе я долженъ сказать, что въ памяти читателя мнѣ хотѣлось возстановить безсмертное изреченіе Мику-

лы Селяниновича: „меня любить мать сыра земля...“

— Да! подхватилъ графъ съ усмѣшкой: вы дальше прибавляете, что двухсотлѣтняя татарщина и трехсотлѣтнее крѣпостничество могли быть перенесены народомъ только благодаря власти любящей земли...

— Я это писалъ...

— Но вѣдь это дикій абсурдъ: по вашему выходитъ, что благодаря власти земли русскій народъ въ продолженіи 500 лѣтъ былъ гнуснымъ рабомъ...

— Совсѣмъ нѣтъ! Въ концѣ моего разсказа я прямо говорю: „земля—главное не только по отношенію къ народному брюху, но и по отношенію къ народному духу... Земля нужна народу не только для того, чтобы быть сытымъ, но и сохранить свое міросозерцаніе...“

— Котораго нѣтъ!.. Я вамъ скажу, Успенскій, все міросозерцаніе мужика заключается въ томъ, какъ-бы забраться въ

барскій лѣсъ или конюшню, напиться пьянымъ и ни за что, ни про что исколотить свою жену. Вы же сами пишете: „лѣсная мораль мужика заключается въ томъ, чтобы колотить невинную жену и себя въ тоже время считать невиннымъ.“ Въ другомъ мѣстѣ той же „Власти земли“ вы удостовѣряете, что „мужикъ вноситъ въ людскую жизнь слишкомъ много тенденцій дремучаго лѣса...“ Я вѣдь не лгу, не правда-ли?

— Правда... я писалъ и это...

— Далѣе, вы проповѣдуете, что мужикъ вноситъ въ людскую жизнь много лѣснаго звѣрства и волчьей жадности... Писали вы это въ своей „Власти земли?“

— Писалъ...

— Такъ... Не согласитесь ли теперь со мною, что всѣ эти прискорбныя явленія представляютъ собою неизбѣжный результатъ „Власти тьмы“ т. е. невѣжества?..

— Не отрицаю...

— Я говорю къ тому, что мужика надо прежде всего просвѣтить...

— А накормить?

— У него есть ѣда... повѣрьте!

— Но какая? Если вамъ (какъ вегетарианцу) придетъ охота ѣсть сѣно, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что имъ надо потчивать мужиковъ, какъ лошадей...

— Ваши билеты, господа! раздался зычный голосъ кондуктора.

„Контроль“ прошелъ. Разговоръ двухъ знаменитыхъ писателей возобновился:

— Нѣтъ, весело улыбаясь, продолжалъ графъ: въ вашей „Власти земли“ есть просто неподражаемая вещи...

— А именно?

— Коснувшись прелестей сельской жизни (въ сравненіи съ столичной), вы естественнымъ образомъ изъявляете желаніе, чтобы и мужикъ, никуда не отлучаясь, наслаждался этими прелестями... Но странное дѣло! въ тоже самое время вы гово-

рите, что въ нѣдрахъ сельской природы „идеть поѣданіе другъ друга... кто-то кого-то ѣсть... только пискъ идетъ...“

— Во-первыхъ, у меня сказано не „въ нѣдрахъ,“ а въ „лѣсу...“

— Да не все ли это равно?

— Во-вторыхъ я не говорилъ: „пискъ идетъ...“

— А какъ-же у васъ сказано?

— Просто „ѣдятъ другъ друга“ и больше ничего...

— Втихомолку, значить? Ну, ладно! Далѣе вы приводите неподражаемый разсказъ Ивана: „какъ мнѣ въ загривокъ-то наклали на желѣзной дорогѣ, гдѣ я служилъ, я и говорю: слава тебѣ, Царица Небесная! Начальникъ станціи далъ хорошаго леща, да начальникъ эксплуатаціи далъ въ загривокъ, тутъ только я понялъ прелесть деревенской жизни. . И такъ выходитъ, по вашимъ словамъ: прежде чѣмъ впустить мужика въ деревенскій эдемъ,

надо предварительно дать ему хорошаго леща и накласть въ загривокъ... Тогда ему, какъ вы говорите, „все будетъ мило: и пашня, и соха, и борона, и дровни, и телушка, и завалившійся сарай и тутъ только, замѣчаете вы устами Ивана, мужикъ примется, какъ слѣдуетъ за хозяйство... Наконецъ, проводя мысль, что у „меньшей братіи,“ мало земли, вы утверждаете (буквально передаю ваши слова:) „разживающійся мужикъ безцеремонно жестокъ...“

— Не будемъ спорить объ этомъ... Я съ вами, графъ, согласенъ, что каждому изъ насъ нужно только три аршина земли... Но позвольте васъ спросить: что вы хотѣли сказать своей „Властью тьмы?“

— Объ этомъ мы съ вами потолкуемъ послѣ... А теперь пойдемте чайку попьемъ...

Поѣздъ остановился у вокзала.

II.

Во всемъ вокзалѣ, входя въ вагонъ, сказалъ графъ, искалъ все рѣдъки — и не нашель... Вотъ что значитъ цивилизація!.. Вы, авторъ „Власти земли,“ здѣсь?..

— Здѣсь... впрочемъ я отлучался съ кузеномъ въ вокзалъ...

— Да развѣ вашъ кузень здѣсь? Покажите мнѣ его, пожалуйста...

— Онъ боится своихъ „Воспоминаній...“

— Вздоръ какой! Я ихъ читалъ съ удовольствіемъ... Жалѣю, что они на нѣкоторое время прекратились...

— Николай! Иди... къ графу... шепнулъ мнѣ Глѣбъ...

— Боюсь!..

— Чего?

— „Власти тьмы“...

Однако, захвативъ подъ мышку укутанную въ шарфъ гармонію, я приблизился къ графу, при чемъ услышалъ нѣчто въ родѣ предостереженія со стороны кузена: „ты, вѣроятно, слышалъ, какъ графъ иронизировалъ надъ моею „Властью земли?..“

— Вы?.. радостно улыбаясь и пожимая мнѣ руку, сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ.

— Я, графъ.... вашъ старый знакомый...

— Что это вы дѣлаете? Я про себя не говорю... но вотъ нѣкоторые обижаются на васъ за Некрасова... хотя, положимъ, человекъ-то извѣстный...

— Да вѣдь что же, Левъ Николаевичъ?.. Я писалъ, что онъ у Тургенева отхватилъ, 18,000 франковъ, а „Новое время“ говоритъ: „нѣтъ! не 18,000 франковъ“, а всего только тысячу рублей, да и то у

другаго лица, о немъ же не леть есть глаголати...

— Вы, я слышалъ, на гормоніи играете?

— Грѣшенъ.

— У васъ дочь украли?

— Такъ точно, ваше с — ство.

— Кто-же?

— „Власть земли“ и „Власть тьмы...“

Но это дѣло, какъ говорится, домашнее...

— Нѣтъ! вы у меня въ Хамовникахъ все расскажете... Собратья по перу! Вы не откажетесь сегодня у меня ночевать?

— Глѣбъ! какъ ты?

— Согласенъ..

— И я тоже... У васъ, графъ, Матрена-баба, увидавъ своего возлюбленнаго сыночка, который обнимая молодую хозяйку, говоритъ: „а я что видѣла — не видала, что слышала — не слыхала... Съ бабочкой поигралъ — чтожъ? И теленокъ, вѣдашь, и тотъ играетъ... Отчего-жъ не

поиграть? Дѣло молодое... Отъ овса, вѣдашь, кони не рыщутъ, отъ добра—добра не ищутъ.. “

— Позвольте...

— Нѣтъ, далѣе въ вашей „Власти тьмы“ сказано, что эта самая баба-Матрена принесла сонныхъ порошковъ молодой хозяйкѣ, которую обнималъ ея сынъ... И что же это за порошки?.. Ядъ, чтобы отравить мужа Анисьи (хозяйки) старика Петра...

— Далѣе у меня говоритъ Матрена: „я 77 увертокъ знаю...“

— Но вы представьте, графъ, картину, вами нарисованную: даже распутная Анисья пришла въ ужасъ, при видѣ узелка, въ которомъ находился ядъ.... „О-о-охъ! простонала она: какъ бы грѣха не было!..“ Гдѣ вы взяли этакое чудовище, этакую вѣдьму-мать (хотя-бы изъ деревенщины), которая является на сцену, передъ публикой, съ ядомъ, для того,

чтобы ея возлюбленный сынокъ жилъ съ незаконной женой и отъ обильной трапезы кормилъ ее падающими крупицами...

— Между нашимъ 200 милліоннымъ населеніемъ, согласитесь, найдутся такія вѣдьмы, прожевывая какую-то вегетаріальную снѣдь, произнесъ графъ.

— Но вѣдь это исчадія ада, а не типы...

— Пойдемъ выпьемъ, толкнулъ меня кузень.

— У васъ что же это наслѣдственное?

— Такъ точно, ваше с—ство... отцы и дѣды...

— Понимаю... дарвинизмъ...

— Далѣе, графъ, у васъ, въ вашей „Власти тьмы“ есть такія сокровища: Никитка, вашъ главный герой, произноситъ такой монологъ: „боязно, говорятъ, неправдѣ божиться. Все одно — глупость. Ничего! Одна рѣчь!.. Очень просто...“

— Есть такіе...

— Не спорю, только этакіе гады, по

моему, не должны быть вносимы въ сферу искусства и быть проводниками какихъ-либо идей...“ Каковъ вашъ герой Никитка. Порадуйтесь, милѣйшій графъ: „люблю я этихъ бабъ, какъ сахаръ, а нагрѣшишь съ ними—бѣда!“ Далѣе хороша сценка мать-Матрена уговариваетъ сына — Никитку закопать живаго ребенка въ погребъ:

— „На-кось, скребочку-то... да слѣзь, да и справь тамъ... а я посвѣчу... Ямку выкопай...

„Н и к и т а (*беретъ ребенка*). Живой! матушка родимая! шевелится .. живой! Матушка родимая! шевелится... живой!..

Но Никитка не струсилъ, какъ „Гусаръ“ Пушкина, передъ вѣдьмой на Лысой горѣ. Онъ ребеночка упряталъ, по настоянію своей матушки... Кончивъ дѣло, онъ извѣстилъ Матрену:

— „Пищаль какъ! Какъ захруститъ подо мной... И живъ все, право живъ... да

все пицить, все пицить... И какъ захрустятъ подо мной косточки... кр. .кр... кр-р-р...

— „Мать. Поди, родной, выпей водочки... *(Сама лъзть въ погребъ)*.

— „Никитка. Матушка, а матушка!

— „Матренка *(высовывается изъ погребѣ)*. Чего сынокъ?..

— „Не зарывай... живой онъ... Развѣ, неслышишь?...

— „Матренка“. Да гдѣ же пицать-то? Вѣдь ты его въ блинъ расплющилъ... всю головку раздребезжилъ...

— Николай! обратился ко мнѣ кузень: ты въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говорилъ, что „Анна Каренина“ подложила свою бѣлоснѣжную шейку подъ колеса вагона...

— Нѣтъ! вступился графъ: она у меня, отбросивъ въ сторону мѣшечекъ, упала на руки, ее что-то зацѣпило за спину... Ну, а потомъ, я говорю, что свѣтильникъ, при помощи котораго она читала книгу

неправды, лжи, коварства, измѣны — вдругъ вспыхнулъ и погасъ... Ночевать ко мнѣ, господа! заключилъ графъ, когда нашъ поѣздъ приблизился къ Московскому вокзалу...

III.

Иванъ! здѣсь? спросилъ графъ.

— Пожалуйте!

— Лейкина видѣли въ Петербургѣ?

— Это вы Ивану говорите?

— Нѣтъ, вамъ, Николай Васильичъ...

— Не только Лейкина, но даже и Суворина...

— А Щедрина?

— Вишь, чего захотѣли...

„Власть земли“ и „Власть тьмы“ усѣлись въ широкихъ, покрытыхъ ковромъ саняхъ, а „Воспоминанія“ приладнились на-запяткахъ.

— Да вы садитесь съ кучеромъ-то...

— Пожалуй...

— Я знаю, вы любите лошадей... А гармонія ваша не пропала?..

— Цѣла!..

Я усѣлся съ кучеромъ и сказавъ: „Эй! милоридныя!“ заигралъ „Выду-ль я на рѣченьку“. Кучеръ подхватилъ: „унеси ты мое горе быстра рѣченька съ собой...“

Городовой пронесся мимо, по какимъ-то соображеніямъ не считая мою игру и забористое пѣніе кучера за „нарушеніе общественной тишины и спокойствія.“

— А вѣдь прелестно играетъ вашъ братъ, обратился авторъ „Власти тьмы“ къ автору „Власти земли.“

— Мнѣ больше нравится „Волга рѣченька,“ промолвилъ мой кузень, поднимая воротникъ своей шубы.

— Отличная вещь, я съ вами согласенъ... Тамъ есть одно мѣсто, которое, можно сказать, составляетъ неоцѣненный перлъ этой пѣсни: „подъ Самарою дѣвченки...“

— Вотъ, вотъ!..

— Господа! сказалъ я: извините за откровенность, отъ васъ потянуло просто Никиткой, главнымъ героемъ „Власти тьмы“, который обращается къ публикѣ съ такими словами: „люблю я этихъ бабъ, какъ сахаръ...“

— Нѣтъ вотъ чтó скажите мнѣ, Николай Васильчъ, прервалъ меня графъ: зачѣмъ вы въ своихъ Воспоминавіяхъ искажаете мои слова? Вы пишете, что Анна Каренина „экспонировала своей бѣлоснѣжной шейкой на рельсахъ...“ Это не правда. У меня написано: „она не спускала глазъ съ колесъ подходящаго втораго вагона. И ровно въ ту минуту, какъ середина между колесами поравнялась съ нею, она откинула красный мѣшечекъ и, вжавъ въ плечи голову, упала подъ вагонъ на руки... и легкимъ движеніемъ, какъ бы готовясь тотчасъ же встать, опустилась на колѣна...“

— На колѣни, графъ, надо сказать, замѣтилъ я.

— Почему-же?

— Когда-то были колѣна израильскія, ничего общаго не имѣвшія съ колѣнями красавицы Карениной...

— Можетъ быть... Далѣе я говорю: и въ то же мгновеніе она ужаснулась тому, что она дѣлала... „Гдѣ я? Что я дѣлаю? Зачѣмъ?“ Она хотѣла подняться, откинуться...

— Боже праведный! воскликнули мы съ кузеномъ въ одинъ голосъ, вы и тутъ не пощадили ее?..

— Нельзя было, господа!.. Того требовала „Власть тьмы...“ „Что-то огромное, неумолимое толкнуло ее въ голову...“

— За то, что ваша героиня много любила?.. спросилъ я.

— За это-то ей и не отпустилось, подхватилъ мой кузень.

— „И потащило за спину“, продолжалъ

графъ: „Господи! прости мнѣ все!“ проговорила она, чувствуя невозможность борьбы...

— И у васъ, тихо сказалъ я, въ это время перо не выпало изъ рукъ?

— Молчи! дернувъ меня за рукавъ, сказалъ авторъ „Власти земли:“ продолжайте, Левъ Николаичъ...

— Я заканчиваю такъ: и свѣча, при которой Анна читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхнула болѣе яркимъ, чѣмъ когда нибудь свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала...

— Должно-быть шейные и спинные позвонки затрещали?

— Ну, да! „стала меркнуть и навсегда потухла...“ Зачѣмъ же вы говорите въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что я съ ловкостью мясника убилъ Каренину...

— Позвольте мнѣ слѣзть, графъ, сказалъ я.

— Это зачѣмъ?

— Мы подѣхали къ Воздвиженкѣ... Я тутъ пѣшкомъ пойду черезъ Арбатъ на Смоленскій рынокъ въ „ночлежный домъ...“

— Вотъ фантазія! Да вы знаете ли, что въ „ночлежный домъ“ пускаютъ только отъ 6 ч. вечера и до 10, а теперь скоро 11. Я всѣ порядки „ночлежнаго дома“ знаю, потому что нѣсколько разъ бывалъ тамъ...

— Не ваши ли тамъ изреченія красуются на стѣнахъ?

— А именно — какія?..

— Въ чайной, на стѣнѣ, изображено: *„утѣшайтесь надеждой, въ скорбяхъ будьте тверды, въ молитвѣ постоянны.“*

— Да вы, я вижу, хорошо знакомы съ „ночлежнымъ домомъ“. Ну, а въ первомъ этажѣ спальень какія изреченія?

— *„Богъ есть любовь. Богъ мой, скала моя, уповаю на него“*...

— Bravo! А во второмъ?

— „*Научитесь дѣлать добро. Будь вѣренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни...*“

— Удивительно! Нѣтъ, Николай Васильичъ, я васъ сегодня не отпущу... Завтра вы вольный казакъ... а нынѣшній вечеръ съ вашимъ братцемъ посвятите мнѣ... поговоримъ, потолкуемъ...

— А ночевать?

— Да у меня-же... Правда, кабинетъ мой не особенно просторенъ... ну, да, по пословицѣ, „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ...“

Мы благополучно прибыли въ Хамовники.

Ө. М. Достоевскій на каторгѣ.

Нѣкто г. Рожновскій, находившійся въ Сибири въ одной тюрьмѣ съ Достоевскимъ, рассказалъ про нашего знаменитаго писателя слѣдующее:

— Давно это было. Мы были вмѣстѣ тамъ. Впрочемъ, я раньше прибылъ туда. Кажется, черезъ годъ или два послѣ меня привезли и Достоевскаго. Когда пришелъ Достоевскій, то съ перваго раза сильно не понравился „ватагѣ“. Каторга имѣетъ свои законы, и каторжники строго слѣдятъ за точнымъ выполнѣніемъ ихъ. Иногда и сами зарѣжутъ. Тамъ законъ Линча въ ходу. У насъ насчетъ женщинъ было строго, и всѣ ватажники горой стояли

другъ за друга въ этомъ дѣлѣ. Каждый изъ насъ, по-очереди, дежурилъ по вечерамъ, когда проходили прачки изъ прачешной, а Достоевскій отказался отъ дежурства, когда очередь дошла до него. Въ другой разъ, онъ досталъ отъ солдата листокъ махорки. По тамошнимъ правиламъ, если кто достанетъ табаку, то половину беретъ себѣ, а другую половину дѣлятъ на нѣсколько частей, и затѣмъ бросаютъ жребій, кому достанется. Достоевскій же и отъ своей части отказался, и жребій не захотѣлъ бросать: раздѣлилъ пополамъ между двумя цыгготными. Вотъ на него и взѣлись „большаки“ наши: „Что, ты порядки сюда новые вводить пришелъ,“ говорятъ: хотѣли „крышку“ *) сдѣлать, но здѣсь Достоевскаго спасло одно обстоятельство. Однаж-

*) „Крышку“ сдѣлать, на арестантскомъ жаргонѣ—убить.

ды, въ пищу одному изъ каторжниковъ попалъ какой-то комокъ; развернули, смотримъ: тряпка, и въ ней кости и еще какая-то гадость. Можетъ быть, нечаянно попало, а можетъ, кто и нарочно бросилъ. Тотъ, къ кому попалъ этотъ комокъ, хотѣлъ бросить его и смолчать — старшій былъ арестантъ, зналъ порядки, а Достоевскій говорилъ: „Надо жаловаться; если ты боишься, давай мнѣ“. Хотѣли мы его предупредить, чтобы онъ не жаловался, да „большакъ“ запретилъ. Вотъ, при повѣркѣ, и выходитъ Достоевскій съ тряпкой впередъ. Набросались тутъ на него плацъ-маіоръ и ключникъ. — „Ты это нарочно выдумалъ, чтобы бунтъ поднять. Эй, кто видѣлъ, что это было у него въ чашкѣ, выходи?“ Арестанты молчатъ, „большаковъ“ боятся. Хотѣлъ-было я выйти, да думаю: одинъ въ полѣ не воинъ, если не „большаки“, то начальство заѣстъ. А знаете, вѣдь, своя рубашка ближе къ

тѣлу. Постоялъ плацъ-маіоръ, видитъ—
всѣ молчатъ.

— Въ кордегардію! Пятьдесятъ!

Увели Достоевскаго. Пролежалъ онъ
потомъ недѣли двѣ въ больницѣ, затѣмъ,
выписали—выздоровѣлъ. Вотъ этотъ слу-
чай и спасъ его отъ „крышки“. Онъ те-
перь уже сдѣлался свой, „крещеный“, за
ватагу пострадалъ.

Прошло около года послѣ этого случая.

Я работалъ съ нимъ въ одной партіи.
Нравился онъ мнѣ за свой тихій харак-
теръ. Пальцемъ бывало, никого не тро-
нетъ, не то, что другіе, бывшіе у насъ,
хотя то-же изъ привилегированныхъ. Да
и совѣсть мучила: почему я не подтвер-
дилъ тогда его словъ передъ плацъ-маіо-
ромъ; онъ (Достоевскій) болѣзнь послѣ
той экзекуціи получилъ на всю жизнь *).
Иногда, бывало, ночью, какъ начнетъ

*) Здѣсь Рожновскій намекалъ, вѣроятно, на
припадки, сведшіе потомъ О. М. въ могилу.

его бить объ нары, такъ мы его сейчасъ свяжемъ куртками, такъ и успокоится.

Пошли мы, однажды, барку ломать и взяли урокъ втроемъ. Третій былъ солдатъ, по фамилии Головачевъ, -- въ работы попалъ за нанесеніе удара ротному командиру. Начали работать. Погода была хорошая, на душѣ было какъ-то веселѣе обыкновеннаго, и работа шла скоро. Уже почти оканчивали урокъ, какъ я вдругъ нечаянно уронилъ топоръ въ воду. Что тутъ дѣлать—надо достать во что бы то ни стало: конвойные требуютъ, чтобы топоръ былъ, а не то грозятъ прикладами. Снялъ я куртку и штаны, подвязалъ кандалы покрѣпче, обвязался веревкой и началъ спускаться. Все было бы хорошо, да на бѣду плацъ-маіоръ работы объѣзжалъ. Увидалъ, что меня Достоевскій и Головачевъ держатъ въ водѣ и спрашиваетъ: „Что здѣсь такое?“ Конвойные отвѣтили.

— Не задерживать работъ, пусть самъ лазить, какъ знаетъ, бросьте веревку,— кричитъ онъ на Головачева и Достоевскаго.

Тѣ не слушаютъ.

Побѣлѣлъ весь отъ злобы плацъ-маіоръ, даже иѣна на губахъ выступила; звѣрь, а не человѣкъ былъ.

— Въ кордегардію послѣ работъ!

Сѣлъ на дрожки и уѣхалъ.

Досталъ я топоръ, вылѣзъ изъ воды. Жутко было оканчивать работу, а надо кончить, не то прибавятъ.

Вернулись мы вечеромъ въ замокъ. Я думалъ, что и меня поведутъ въ кордегардію—нѣтъ, повели только Достоевскаго и Головачева.

Не знаю, какъ ихъ наказывали, только пронесся на другой день слухъ у насъ, что Достоевскій умеръ. Я повѣрилъ этому, зная, что онъ не привыкъ къ подоб-

нымъ пыткамъ, да, при томъ, и боленъ былъ еще.

Слухъ упорно держался, такъ-что мы были вполне увѣрены въ его смерти, а достовѣрно узнать нельзя было—никто за это время изъ больницы не выпиcался.

Прошло мѣсяца полтора послѣ этой экзекуціи, многіе уже начали забывать о Достоевскомъ. Я только не могъ никакъ забыть его, все онъ какъ-будто стоитъ передъ глазами.

Пришли мы, однажды, съ работъ—камень дробили. Было уже довольно поздно, такъ-что въ отдѣленіи, когда я зашелъ туда, былъ полумракъ. Подхожу къ нарамъ, смотрю: кто-то сидитъ. Я думалъ—новичокъ какой-нибудь, и особеннаго вниманія не обратилъ, вдругъ слышу знакомый голосъ:

— Здравствуй, Рожновскій!

Приглядываюсь—Достоевскій...

Не могу передать вамъ, какъ я испу-

гался въ ту минуту. Мнѣ показалось, что это привидѣніе, выходецъ съ того свѣта. Я такъ и оцѣпенѣлъ на мѣстѣ.

— Что ты такъ смотришь? не узнаешь?
Руку протягиваетъ...

— Достоевскій! Развѣ ты живъ? могъ только я проговорить: смѣхъ и слезы— все смѣшалось въ горлѣ, и я повисъ у него на шеѣ.

Послѣ все объяснилось. Рядомъ съ койкой Достоевскаго, въ госпиталѣ, лежалъ горячечный больной, который и умеръ на другой день послѣ поступленія Достоевскаго въ госпиталь. Фельдшеръ по ошибкѣ записалъ, что умеръ Достоевскій. Все разъяснилось тогда, когда Достоевскій выздоровѣлъ и выписался изъ госпиталя. Послѣ этого случая, ему и дали у насъ въ „ватагѣ“ кличку „покойника“. По фамиліи больше никогда и не называли.

Живо помню еще одинъ случай.

У плацъ-маіора была гувернантка, мо-

лоденькая дѣвушка. Шла упорная молва, что онъ состоитъ съ нею въ любовной связи, и что она, какъ говорится, держитъ его въ рукахъ. Звали ее арестанты Неткой и боялись, какъ огня: настоящая змѣя была, подѣ-стать плацъ-маіору. Про нее рассказывали, что когда, бывало, съ-кутъ въ кордегардіи, то она подходитъ къ замку и слушаетъ крикъ. Впрочемъ, я этому не вѣрю. У Нетки были ручные голуби, которыхъ она привезла изъ Рос-сіи и очень за ними ухаживала. Голуби эти часто залетали къ намъ во дворъ, и многіе изъ нашихъ зарились на нихъ, но надсмотрщики еще зорче слѣдили, чтобы ихъ не ловили. Одинъ молодой голубъ сильно привязался къ Достоевскому. Тотъ кормилъ его хлѣбомъ, и онъ каждый день прилеталъ къ нему за своей порціей. Сначала, сторожа возставали противъ это-го, но потомъ, видя, что Достоевскій вре-да голубю не дѣлаетъ, начали смотрѣть

сквозь пальцы. Пришлось намъ, однажды, идти обжигать алебастръ, а путь лежалъ мимо плацъ-маіорскаго дома. Работа эта тяжелая, и потому насъ отпустили въ замокъ раньше обыкновеннаго. Поровнялись мы съ плацъ-маіорскимъ домомъ, вдругъ, смотримъ, Нетка голубей кормитъ. Достоевскому пришла въ голову взбалмошная мысль свистнуть на голубей. Вся стая поднялась на воздухъ, а голубь Достоевскаго, видно, узналъ его, подлетѣлъ къ нему близко и вѣтсе надъ головой. Нетка выскочила на дорогу и прямо бросилась къ Достоевскому.

— Это ты приманиваешь моихъ голубей, разбойникъ! постой, я тебѣ задамъ!

Не помню, право, что отвѣтилъ ей на это Достоевскій; кажется, сказалъ, что она хуже безсловеснаго животнаго; знаю только, что сказалъ сильную и внушительную фразу. Нетка такъ и замерла на мѣстѣ. Далеко мы уже отошли отъ плацъ-

маіорскаго дома, а она все стоитъ; потомъ, смотрю, закрыла лицо руками и тихо пошла въ домъ.

Мы всё ожидали, что эта вспышка дорого обойдется Достоевскому; между тѣмъ, ничего, прошло благополучно. Потомъ, недѣли черезъ двѣ, узнаемъ, что Нетка уѣхала въ Россію, вмѣстѣ со своими голубями, но, что всего удивительнѣе, голубь Достоевскаго остался и по-прежнему прилеталъ къ нему каждый день. Нарочно-ли оставила его Нетка, или онъ самъ отъ нея улетѣлъ — мы не могли узнать. Послѣ отъѣзда Нетки, въ замкѣ сдѣлалось еще хуже: плацъ-маіоръ до того разсвирѣпѣлъ, что его не разъ удерживали высшія начальствующія лица. Не проходило дня, чтобы въ кордегардію не отправлялось нѣсколько человѣкъ...

М. Ю. Лермонтовъ.

(П. Висковатаго) *).

Вейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ офицерскій кругъ котораго вступилъ Лермонтовъ, былъ расположенъ въ Царскомъ селѣ. Бабушка не поскупилась роскошно экипировать своего внука и дать молодому корнету всю обстановку, почитавшуюся необходимой для блестящаго гвардейскаго офицера. Поваръ, два кучера, слуга (всѣ трое крѣпостные изъ дворовыхъ села Тарханъ) были отправлены въ Царское. Нѣсколько лошадей и экипажи стояли на конюшнѣ. Бабушка, кромѣ денегъ, выда-

*) „Русская Мысль“, кн. XI. 1884 г.

ваемыхъ въ разное время, ассигновала ему десять тысячъ рублей въ годъ (по 2,500 р. въ каждые три мѣсяца. Арсеньева изрѣдка, обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы, ѣздила въ Тарханы, проживая большую часть года въ Петербургѣ, гдѣ часто и по долгу гостилъ у нея Лермонтовъ, охотно покидавшій Царское село для свѣтскихъ удовольствій Петербурга.

Его несказанно радовало, что онъ вырвался изъ стѣнъ училища на свободу. Но что начать съ собою, куда кинуться, куда дѣвать, куда направить избытокъ молодыхъ силъ? Онъ чувствовалъ себя узникомъ, которому растворили тѣсную темницу. Ему хотѣлось на свободу: порасправить могучія крылья, полной грудью дохнуть свѣжимъ воздухомъ: словомъ, хотѣлось жить, дѣйствовать, ощущать; онъ хотѣлъ извѣдать все, „со всею полнотою“. Его манилъ блескъ свѣтскаго общества и удалыя товарищескія пирушки, да вы-

ходки и тревожили прежнія стремленія и идеалы, не заглохшіе въ теченіе „двухъ ужасныхъ лѣтъ“, только что пережитыхъ имъ. Любопытно, какъ при самомъ вступленіи въ новую жизнь Лермонтовъ ясно ощущалъ двойственность своихъ стремленій, разладъ души, съ одной стороны, дорожившей воспоминаніями о времени своихъ чистѣйшихъ увлеченій и порывовъ, о годахъ, когда онъ думалъ посвятить всего себя служенію искусству и поэзіи, а съ другой—увлекала его та свѣтская порча, которая уже успѣла коснуться его. Объ этой порчѣ Лермонтовъ писалъ къ другу своему М. А. Лопухиной: „Милый другъ! Что бы ни случилось, я иначе никогда называть васъ не буду, а то это значило бы порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ; этого бы не хотѣлъ я ни за что на свѣтѣ, потому что будущность моя, блистательная на видъ,—пошлая и пустая. Надо вамъ при-

знать, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что изъ меня ничего не выйдетъ со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными (mauvais) опытами на пути жизни... потому что мнѣ не достаетъ либо случая, либо рѣшимости... Мнѣ говорятъ: случай когда-нибудь выйдетъ; время и опытъ дадутъ и рѣшимость... а кто поручится, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной молодой души, которую Богъ чрезвычайно не кстати одарилъ меня?..."

Ощущаемый поэтомъ разладъ и двойственность выразились и въ жизни его. Съ одной стороны, онъ сожигалъ свои силы въ шумномъ кругу гвардейской молодежи или разсаривалъ душевныя свои качества по паркетамъ гостинныхъ, съ другой— завязывалъ литературныя знакомства, приглядывался къ людямъ, читалъ и мыслилъ. Сосредоточенный и замкнутый въ себѣ,

Лермонтовъ не легко высказывалъ лучшія свои думы и оставался молчаливымъ въ обществѣ писателей, только въ исключительныхъ случаяхъ и больше въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ изрѣдка позволялъ заглянуть въ святую святыхъ своей души. Но тогда онъ поражалъ и мощью, и глубиной мысли, которую никакъ не могли подозревать въ молодомъ гусарскомъ офицерикѣ-кутилѣ.

Великосвѣтское общество того времени жило бѣдными интересами. Въ воспитательныхъ заведеніяхъ запрещалось всякое чтеніе книгъ литературнаго содержанія и молодежь направляла свои силы на различныя шалости, иногда стоившія ей довольно дорого, доводя до временнаго заключенія, солдатской шинели и ссылки. Жизнь сковывалась разными стѣснительными правилами и регламентаціей и противодѣйствіе имъ считалось среди юношей подвигомъ. На этотъ протестъ тратились

силы, въ немъ выступало лихое молодечество, плодъ праздности умственной жизни.

Подвиги эти встрѣчали въ обществѣ отзывъ, о нихъ говорили, герои прославлялись. Наказаніе ихъ вызывало къ нимъ симпатію даже тѣхъ лицъ, которымъ приходилось карать ихъ. Кара выходила какая-то отеческая, семейно-патріархальнаго отѣнка. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ много рассказывали о продѣлкахъ Константина Булгакова, офицера преображенскаго, а затѣмъ московскаго полка, товарища Лермонтова по школѣ. Смѣлыя, подь часъ нелишенныя остроумія проказы Булгакова доставили ему особую милость великаго князя Михаила Павловича, отечески его журившаго и сажавшаго подь арестъ и на гауптвахту *).

Великій князь Михаилъ Павловичъ благоволилъ къ офицеру московскаго полка, Булгакову, за остроуміе и находчивость прощать ему многія смѣлыя шалости и проступки. Въ то время

Съ этимъ Костькой Булгаковымъ (какъ его называли товарищи) Лермонтовъ „хороводился“ особенно охотно, когда у него являлась фантазія учинить шалость, выпить или покутить на славу. Двоюродный братъ и товарищъ Лермонтова, Николай Дмитріевичъ Юрьевъ (лейбъ-драгунъ), раз-

существовалъ приказъ по арміи, чтобы офицеры не носили калошъ. Проѣзжая однажды по улицѣ, Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ Булгакова въ калошахъ.

— Булгаковъ,—вскричалъ великій князь,—калоши... калоши... на гауптвахту!

Булгаковъ молча отдалъ подобающую честь, а великій князь уѣхалъ.

На другой день великій князь послалъ освободить Булгакова, думая, что онъ находится на гауптвахтѣ, но посланный доложилъ, что Булгаковъ былъ тамъ вчера и, по приказанію его высочества, оставилъ дежурному офицеру свои калоши, которыя и приняты новымъ дежурнымъ.

Великій князь вспомнилъ, въ какой формѣ онъ отдалъ приказъ Булгакову, улыбнулся и проговорилъ: „Вотъ я его!“ (Р. С. 1879 г. кн. X).

сказывалъ, какъ однажды, когда Лермонтовъ долше обыкновеннаго зажился въ Царскомъ, соскучившаяся по немъ бабушка послала за нимъ въ Царское Юрьева, съ тѣмъ, что бы онъ непременно притащилъ внука въ Петербургъ. Лихая тройка стояла у крыльца и Юрьевъ собирался спуститься къ ней изъ квартиры, когда со смѣхомъ и звономъ оружія ввалили предводительствуемые Булгаковымъ лейбъегеръ Павелъ Александровичъ Гвоздевъ и лейбъ-уланъ Меринскій. Бабушка угостила новопривывшихъ завтракомъ и развеселившаяся молодежь порѣшила всѣмъ вмѣстѣ ѣхать за „Мишелемъ“ въ Царское. Явилась еще наемная тройка съ пошевнями (дѣло было на масляной) и молодежь понеслась къ заставѣ, гдѣ дежурнымъ на гауптвахтѣ стоялъ знакомый преображенскій офицеръ Н. Недавній однокашникъ пропустилъ товарищей, потребовавъ при этомъ, чтобы на возвратномъ пути К о с т ь к а

Булгаковъ былъ въ настоящемъ своемъ видѣ, т. е. сильно хмѣльной, что называлось „быть на шестомъ взводѣ“. Друзья обѣщали, что всѣ съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ придутъ въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа. Въ Царскомъ, въ квартирѣ Лермонтова, застали они пиръ горой и, разумѣется, пирующей компаніей были приняты съ распростертыми объятіями. Пирушка кончилась непремѣнною жженкою, причемъ обнаженныя гусарскія сабли своими невинными клинками служили подставками для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффлекта ради, были вынесены всѣ свѣчи. Булгаковъ сыпалъ французскими стихами собственной фабрикаціи, въ которыхъ воспѣвались красные гусары, голубые уланы, бѣлые кавалергарды, гренадеры и егеря со всякимъ невообразимымъ

вздоромъ въ связи съ Марсомъ, Аполлономъ, Парисомъ, Людовикомъ XV, божественною Наталіей, сладостною Лизой, Георгеттой и т. п. Лермонтовъ изводилъ карандаши, которые Юрьевъ едва успѣвалъ чинить ему, и сооружалъ застольныя пѣсни самаго нескромнаго содержанія. Пѣсни пѣлись при громчайшемъ хохотѣ и звонѣ стакановъ. Гусарщина шла въ полномъ разгарѣ. Шумъ встревожилъ даже коменданта города. Помня приказъ бабушки, пришлось-таки ѣхать въ Петербургъ. Собрались гурьбой, захвативъ съ собою на дорогу корзину съ половиной окорока, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ, дюжиной шампанскаго и запасомъ различныхъ ликеровъ и напитковъ. Лермонтову пришло на умъ дать на заставѣ записку, въ которой каждый долженъ былъ росписаться подъ вымышленной фамиліей иностраннаго характера. Булгаковъ подхватилъ эту мысль и назвалъ

себя французомъ Marquis de Glourignon; вслѣдъ за нимъ подписались: испанецъ Don Skotillo, румынскій бояринъ Болванешти, грекъ Мавроглупато, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, итальянецъ синьоръ Глупини, панъ Глупчинскій, малороссъ Дураленко и, наконецъ, россійскій дворянинъ Скотъ-Чурбановъ (имя, которымъ назвалъ себя Лермонтовъ). Много было хохота по случаю этой, по словамъ Лермонтова, „всенародной экспедиціи.“

Приблизительно на полдорогѣ къ Петербургу упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ (изъ Царскаго къ прежнимъ двумъ присоединилось еще двѣ тройки съ гусарами) и кучеръ объявилъ, что надо распречь сердечнаго, „ибо у него отъ бѣшеной скачки, должно быть, сдѣлался родимчикъ“ и его надо оттереть снѣгомъ. Всѣ рѣшились остановиться, а чтобы времени даромъ не терять, воспользоваться торчавшимъ близъ дороги балаганомъ, лѣ-

томъ служившимъ для торговли, а на зиму заколоченнымъ, и въ немъ соорудить пирушку. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, компанія занялась устройствомъ помѣщенія: размѣстили нашедшіяся доски, наколотивъ ихъ на полѣнья и соорудивъ, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ стола, зажгли экипажные фонари и распяковали корзину. Ея содержаніемъ занялись всѣ присутствующіе, не исключая и возницъ. Среди выпивки порѣшили увѣковѣчить память проведеннаго въ балаганѣ времени, написавъ углемъ на гладко оштукатуренной и выбѣленной стѣнѣ принятыя присутствующими имена, но только въ стихотворной формѣ. Общими силами была составлена слѣдующая надпись, которой содержаніе рассказчикъ помнилъ лишь приблизительно:

Гостями былъ полонъ балаганъ:

Бодвѣнешти изъ молдаванъ

Стоялъ съ осанкою воинской;

Болванопуло былъ грекъ,
Чурбановъ—русскій человекъ,
Вблизи его—полякъ Глупчинскій и т. д.

Было два часа ночи, когда компанія прибыла къ городскимъ воротамъ. Караульный унтеръ-офицеръ, прочтя записку и глядя на красныя офицерскія фуражки гусаръ, полонъ былъ почтительнаго недоумѣнія.

Караульные офицеры не разъ попадались въ просакъ при неосторожномъ пропускѣ мистифицирующихъ проѣзжихъ. Компанія, ѣхавшая изъ Царскаго, не желала, конечно, ввести въ непріятное положеніе своего однокашника Н. и потому на оборотѣ листа, гдѣ были записаны псевдонимы шалуновъ, они прописали настоящія свои имена. „Но, все-таки,—кричалъ Булгаковъ,—непремѣнно покажи записку караульному офицеру и скажи ему, что французскій маркизь былъ на шестомъ взводѣ!“—„Слушаю, ваше сія-

тельство!“—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ и крикнулъ: „Бомвысь!“ Тройка въѣхала въ спавшій городъ.

Это препровожденіе времени и выходки очень занимали гвардейскую молодежь того времени.

За разныя „невинныя“ шалости молодыхъ офицеровъ сажали на гауптвахту. Жили на гауптвахтахъ арестованные за менѣе важныя проступки весело. Къ нимъ приходили товарищи, устраивались пиррुшки, а при появленіи начальства бутылки и снадобья куда-то исчезали при помощи услужливыхъ сторожей.

Лермонтовъ особенно часто не во время возвращался изъ Петербурга и за разныя шалости и мелкіе проступки противъ дисциплины и формы сиживаль въ Царскомъ селѣ на гауптвахтѣ. Однажды онъ явился на разводъ съ маленькою, чуть-чуть не дѣтскою игрушечною саблею, несмотря на присутствіе великаго князя Михаила Пав-

ловича, который тутъ же далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ, а Лермонтова приказалъ выдержать на гауптвахтѣ. Послѣ этого Лермонтовъ завелъ себѣ саблю большихъ размѣровъ, которая при его маломъ ростѣ казалась еще громаднѣе и, стуча о панель или мостовую, производила ужасный шумъ, что было не въ обычаѣ у благовоспитанныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ, носившихъ оружіе свое съ большою осторожностью, не позволяя ему гремѣть. За эту несоразмѣрно большую саблю Лермонтовъ опять-таки попалъ на гауптвахту. Точно также великій князь Михаилъ Павловичъ съ бала, даваемого царскосельскими дамами офицерамъ лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго полковъ, послалъ Лермонтова подъ арестъ за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вицъ-мундира. Точно также не разъ доста-

валось нашему поэту за то, что онъ свою форменную треугольную шляпу часто носилъ „съ поля,“ что было противно правиламъ и преслѣдовалось.

Въ шалостяхъ и выходкахъ разнаго рода принимали участіе и славились ими молодые люди, считавшіеся образцомъ благородства и свѣтскаго рыцарскаго духа. Таковымъ былъ Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, товарищъ по школѣ и близкій другъ Лермонтова. Онъ приходился ему родственникомъ, собственно двоюроднымъ дядей, но вслѣдствіе равенства лѣтъ ихъ называли двоюродными братьями. Столыпинъ былъ красавецъ. Красота его вошла въ поговорку. Всѣ дамы высшаго свѣта были въ него влюблены. Его называли „*le beau Столыпинъ*“ и „*la coqueluche des femmes.*“ Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ современниковъ: „Красота его, мужественная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличавшаяся какою-то нѣжностью, была бы названа у

Французовъ „proverbiale.“ Онъ былъ одинаково хорошъ и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подѣ барашковымъ киверомъ нижегородскаго драгуна, и, наконецъ, въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполне, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Изумительная по красотѣ внѣшняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать „Монго-Столыпина“ значитъ для насъ, людей нашего времени, то же, что выразить понятіе о воплощенной чести, образцѣ благородства, безграничной добротѣ, великодушіи и беззавѣтной готовности на службу словомъ и дѣломъ. Его не избаловали блистательнѣйшіе изъ свѣтскихъ успѣховъ, и онъ умеръ уже немолодымъ, но тѣмъ же добрымъ, всѣми любимымъ „Монго,“ и никто изъ львовъ не возненавидѣлъ его, несмотря на опасность его соперничества. Вымолвить о немъ худое слово не могло бы никому придти въ голову и принято было бы за нѣчто чудовищное.“

Отмѣнная храбрость этого человѣка была внѣ всякаго подозрѣнія. И такъ было велико уваженіе къ этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпину, что, когда онъ однажды отказался отъ дуэли, на которую былъ вызванъ, никто въ офицерскомъ кругу не посмѣлъ сказать укорительнаго слова, и этотъ отказъ, безъ всякихъ пояснительныхъ замѣчаній, былъ принятъ и уваженъ, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста по отношенію къ другому лицу: такова была репутація этого человѣка. Онъ нѣсколько разъ вступалъ въ военную службу и вновь выходилъ въ отставку. По смерти Лермонтова, которому онъ закрылъ глаза, Столыпинъ вскорѣ вышелъ въ отставку (1842 г.) и поступилъ вновь на службу въ крымскую кампанію въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, храбро дрался подъ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и скончался затѣмъ въ 1856 году во Флоренціи.

Съ дѣтства Столыпина соединяла съ Лермонтовымъ тѣсная дружба, сохранившаяся ненарушенной до смерти поэта. Не знаемъ, даже сомнѣваемся, что Монго понималъ значеніе своего родственника, какъ поэта, чтобы онъ могъ раздѣлять серьезные думы и интересъ его къ литературнымъ идеаламъ. Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ нигдѣ не касается этой стороны отношеній къ Монго. Говорить онъ о немъ только по поводу „гусарской выходки,“ героями которой были оба они, но Столыпинъ, близко знавшій душу своего знаменитаго родственника, по словамъ брата Дмитрія Аркадьевича, всегда защищалъ Михаила Юрьевича отъ всякихъ нападковъ многочисленныхъ враговъ и мало расположенныхъ къ нему людей. Въ двухъ роковыхъ дуэляхъ Столыпинъ былъ секундантомъ Лермонтова, что при безукоризненной репутаціи Столыпина не мало способствовало къ огражденію поэта отъ не-

доброжелательныхъ на него навѣтовъ. Два раза сопровождалъ онъ его на Кавказъ, какъ бы охраняя горячую, увлекающуюся натуру Михаила Юрьевича отъ опасныхъ въ его положеніи выходокъ.

Почему Столыпина называли „Монго“, неизвѣстно. Кажется, что названіе это, навсегда оставшееся за нимъ, было дано ему Лермонтовымъ, описавшимъ одну изъ гусарскихъ шалостей. Въ этомъ произведеніи поэтъ назвалъ себя Маешкой, именемъ, которое носилъ въ школѣ. Подъ какимъ именемъ назвать Столыпина, онъ затруднялся. Но тутъ ему подвернулось лежавшее давно на столѣ Столыпина сочиненіе на французскомъ языкѣ: Путешествіе Монгопарка. Лермонтовъ воспользовался первыми двумя слогами. Такимъ образомъ, происхожденіе имени чисто случайное. Самая поэма получила названіе Монго. Она пришлась по вкусу молодежи и во множествѣ рукописей и вари-

антовъ ходила по рукамъ. Весь Петербургъ зналъ ее, а за Столыпинамъ осталось прозвище. Самъ онъ назвалъ имъ свою любимую и прекрасную собаку, сопровождавшую хозяина по парку Царскаго села и не разъ прибѣгавшую искать его во время полковаго ученія, чѣмъ вводила въ досаду командира полка, Михаила Григорьевича Хомутова. Похождение, описанное Лермонтовымъ въ поэмкѣ его Монго, и успѣхъ ея среди блестящей молодежи тоже представляютъ иллюстрацію тогдашняго общаго ей времяпрепровожденія. Событіе, подавшее поводъ къ поэмѣ-шуткѣ, заключалось въ слѣдующемъ: героиня—Ек. Ег. Пименова, „краса и честь балетной сцены“, приглянулась Столыпину, котораго „внимательный лорнетъ“ легко можно было замѣтить во время представленій въ одномъ изъ первыхъ рядовъ кресель Большаго театра. Поразившая его молодая танцовщица любви его сначала

Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокить.

Пименова была дочь кузнеца и воспитывалась въ театральной школѣ. Красота ея увлекла богатаго казанскаго помѣщика и откупщика, Моисеева, и дѣвушка не устояла передъ золотымъ Молохомъ. Счастливый побѣдитель поселилъ свою нимфу на лѣто въ одной изъ весьма модныхъ тогда дачъ Петергофской дорогѣ, не далеко отъ славившагося въ то время Краснаго Кабачка, гдѣ окружилъ ее всевозможною роскошью. Ей-то за холодность думалъ отомстить Монго. Вмѣстѣ съ Маешкой задумалъ онъ совершить ночной набѣгъ на жилище балерины. Верхами выѣхали они изъ Краснаго села съ закатомъ солнца, съ тѣмъ, чтобы поспѣть обратно къ 7 часамъ утра на полковое ученье. Вотъ какъ Лермонтовъ характеризуетъ своего друга и самого себя:

Монго — повѣса и корнетъ.
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Быль молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ,
Флегматикъ съ бурными усами;
Собака и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами...
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Маешка былъ такихъ же правилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ;
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердце молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало

Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ.
Порою, трезвый—вралъ безбожно
И молчаливъ былъ—на пирахъ,—
Характеръ вовсе бесполезный
И для друзей, и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ?—онъ былъ таковъ!

Съ смѣлою нахальностью ворвались молодые офицеры въ жилище танцовщицы, но внезапно пріѣхалъ Моисеевъ съ цѣлою свитою. Гусарамъ пришлось бѣжать, уступая поле соперникамъ. „Штатскіе взяли верхъ“, что для молодаго воинства казалось весьма обиднымъ. Поэтому Лермонтовъ не входитъ въ описаніе столкновенія, а восклицаетъ:

Но нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
Побѣду фрачныхъ воспѣвать?

.

Осталось средство имъ одно—
Перекрестясь, прыгнуть въ окно
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но въ нихъ проснулся духъ военный
Прыгъ, прыгъ—и были таковы!...

По свидѣтельству гр. Евд. Ростопчиной, проказы, шалости и шутки всякаго рода послѣ пребыванія Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ сдѣлались его любимымъ занятіемъ. „Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы“. До самой высылки на Кавказъ въ 1837 г. Лермонтовъ жилъ въ Царскомъ вмѣстѣ со Столыпинымъ на углу Большой и Манежной улицъ. Столыпинъ невольню

подчинялся уму Лермонтова, который, какъ увидимъ, и среди разсѣяннаго и веселаго образа жизни въ кругу товарищей и петербургскаго свѣта, продолжая жить двойственною жизнью, не оставлялъ серьезныхъ занятій и интересовъ литературныхъ. Оба друга имѣли на офицеровъ своего полка большое вліяніе. „Товарищество (*esprit de corps*) было сильно развито въ этомъ полку и, между прочимъ, давало одно время сильный отпоръ притязаніямъ полковника С., временно командовавшаго полкомъ. Къ Лермонтову, по свидѣтельству г. Лонгинова, дальняго родственника его и часто съ нимъ видавшагося, начальство тогда уже не благоволило и считало его дурнымъ фронтвымъ офицеромъ. Что касается успѣховъ Лермонтова въ аристократическомъ обществѣ Петербурга, то оно сначала оставалось для него недосягаемымъ, по крайней мѣрѣ, стать интимнымъ посѣтителемъ го-

стинныхъ ему не удалось. Фамилія Лермонтовыхъ не была извѣстна въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ и сама по себѣ ничего не представляла. Родъ Лермонтовыхъ, какъ уже было сказано, захудаль, и обѣднѣлъ. Молодой, некрасивый, не чрезмѣрно богатый гусарскій корнетъ ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія въ гостинныхъ и на балахъ. Положеніе, которое другіе легко пріобрѣтали, часто безъ всякихъ нравственныхъ преимуществъ, Лермонтовъ долженъ былъ завоевывать себѣ, борясь съ большими трудностями. Пока его поддерживали только связи бабушки, имена Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ. Сознаніе, что онъ некрасивъ, тревожило самолюбиваго юношу.

О душевномъ состояніи при вступленіи въ салоны петербургскаго свѣта Лермонтовъ въ 1835 г. писалъ другу своему Сашенькѣ Верещагиной въ Москву: „Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у cadaго

былъ какой-нибудь пьедесталь: хорошее состояніе, имя, титуль, покровительство... я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества". Желаніе обратить на себя вниманіе въ гостинныхъ во что бы то ни стало было слабостью, недостойною ума и талантовъ поэта. Онъ это, впрочемъ, сознавалъ, но много времени протекло раньше, нежели сознаніе это побѣдило мелочное самолюбіе 20-ти лѣтняго юноши, желавшаго ни въ чемъ не отставать отъ своихъ товарищей.

При пылкости характера поэтовъ и ихъ врожденной впечатлительности, являются какъ бы естественными тѣ бурныя увлеченія, которымъ предаются они при вступленіи въ жизнь. Извѣстно, что кутежи привели юношу Гёте на край могилы. Только желѣзная натура спасла его. Пушкина буйная жизнь, которой онъ предался по

выходѣ изъ лица, довела до тяжелой болѣзни. Кутежи и потрага таланта на произведенія весьма скабрзнаго свойства не мѣшали, однако, ему въ тиши кабинета предаваться серьезному служенію музамъ. И Лермонтовъ, несмотря на разсѣянный образъ жизни, въ который прожигалъ онъ силы и молодость, трудится надъ своимъ образованіемъ и надъ развитіемъ своего таланта. Кромѣ посѣщенія свѣтскихъ гостинныхъ и кутежа въ товарищескихъ кружкахъ и салонахъ полусвѣта, поэтъ искалъ общества людей съ болѣе серьезными интересами и примыкавшихъ къ литературному кругу. Послѣдуемъ за нимъ туда, въ тишину рабочаго кабинета, гдѣ онъ ввѣрять бумагѣ свои вдохновенныя мысли.

М. Ю. Лермонтовъ *).

(Графиня Е. П. Растопчина).

ермонтовъ родился въ 1814 или въ 1815 году и происходилъ отъ богатаго и почтеннаго семейства; потерявъ еще въ малолѣтствѣ отца и мать, онъ былъ воспитанъ бабушкой, со стороны матери; г-жа Арсеньева, женщина умная и достойная, питала къ своему

*) Замѣтки о М. Ю. Лермонтовѣ, были сообщены графиней Растопчиной, путешествовавшему въ то время (1858 г.) по Россіи, извѣстному романисту А. Дюма, напечатанному ихъ въ своихъ „Путевыхъ впечатлѣніяхъ по Кавказу.“ Съ французскаго языка „замѣтки“ были переведены В. К. Шульцомъ, и напечатаны въ „Р. С.“ 1882 г., откуда мы и заимствовали ихъ.

внуку самую безграничную любовь, словомъ сказать—любовь бабушки; она ничего не жалѣла для его образованія. Въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ онъ уже сталъ писать стихи, которые далеко еще не предвѣщали будущаго блестящаго и могучаго таланта. Созрѣвъ рано, какъ и все современное ему поколѣніе, онъ уже мечталъ о жизни, не зная о ней ничего, и такимъ образомъ теорія повредила практикѣ. Ему не достались въ удѣлъ ни прелести, ни радости юношества; одно обстоятельство, уже съ той поры, повліяло на его характеръ и продолжало имѣть печальное и значительное вліяніе на всю его будущность. Онъ былъ дурень собой, и эта некрасивость, уступившая впоследствии силѣ выраженія, почти исчезнувшая, когда гениальность преобразила простыя черты его лица, была поразительна въ его самые юношескіе годы.—Она-то и порѣшила образъ мыслей, вкусы и направленіе

молодаго человѣка, съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ. Не признавая возможнымъ нравиться, онъ рѣшилъ соблазнять или пугать и драпировался въ байронизмъ, который былъ тогда въ модѣ. Донъ-Жуанъ сдѣлался его героемъ, мало того—его образцомъ; онъ сталъ бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта дѣтская игра оставила неизгладимые слѣды въ подвижномъ и впечатлительномъ воображеніи; вслѣдствіе того, что онъ представлялъ изъ себя Лара и Манфреда, онъ привыкъ быть такимъ. Въ то время, я его два раза видѣла, на дѣтскихъ балахъ, на которыхъ я прыгала и скакала, какъ настоящая дѣвочка, которою я и была, между тѣмъ какъ онъ, однѣхъ со мною лѣтъ, даже нѣсколько моложе, занимался тѣмъ, что старался свернуть голову одной моей кузинѣ *), очень кокетливой; съ ней,

*) Екатеринѣ Александровнѣ Сушковой, въ замужествѣ Хвостовой.

какъ говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ бѣднымъ ребенкомъ, заgrimированнымъ въ старика и опередившимъ года страстей трудолюбивымъ подражаніемъ. Кузина повѣряла мнѣ свои тайны; она показывала мнѣ стихи, которые Лермонтовъ писалъ ей въ альбомъ; я находила ихъ дурными, особенно потому, что они не были правдивы. Въ то время я была въ полномъ восторгѣ отъ Шиллера, Жуковского, Байрона, Пушкина; я сама пробовала заняться поэзіей и написала оду на Шарлотту Корде, и была настолько разумна, что впоследствии ее сожгла. Наконецъ я даже не имѣла желанія познакомиться съ Лермонтовымъ,—такъ онъ мнѣ казался мало симпатичнымъ.

Онъ тогда былъ въ благородномъ пансіонѣ, служившемъ приготовительнымъ пансіономъ при Московскомъ университетѣ.

Впоследствии онъ перешелъ въ школу

гвардейскихъ подпрапорщиковъ; насмѣшливый, ѣдкій, ловкій—проказы, шалости, шутки всякаго рода, сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душею общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы.

По выходѣ изъ школы, онъ поступилъ въ гвардейскій егерскій (?) полкъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ, и отлично составленный; тамъ опять живость, умъ и жажда удовольствій поставили Лермонтова во главѣ его товарищей; онъ импровизировалъ для нихъ цѣлыя поэмы, на предметы самые обыденные изъ ихъ казарменной или лагерной жизни. Эти пьесы, которыя я не читала, такъ какъ онѣ написаны не для женщинъ, говорятъ, отличаются жаромъ и блестящей пыл-

костью автора. Онъ давалъ всѣмъ различныя прозвища въ насмѣшку; справедливость требовала, чтобы и онъ получилъ свое; къ намъ дошелъ изъ Парижа, откуда къ намъ приходитъ все, особый типъ, съ которымъ онъ имѣлъ много сходства,—горбатаго Майе (Maueux), и Лермонтову дали это прозвище, вслѣдствіе его малаго роста и большой головы, которые придавали ему нѣкоторымъ образомъ фамиліное сходство съ этимъ уродцемъ. Веселая холостая жизнь, непрещатствовала ему посѣщать и общество, гдѣ онъ забавлялся тѣмъ, что сводилъ съ ума женщинъ, съ цѣлью потомъ ихъ покидать и оставлять въ тщетномъ ожиданіи; другая его забава была разстройство партій, находящихся въ зачаткѣ, и для этого онъ представлялъ изъ себя влюбленнаго въ продолженіи нѣсколькихъ дней; всѣмъ этимъ, какъ казалось, онъ старался доказать самому себѣ, что женщины могутъ

его любить, не смотря на его малый ростъ и некрасивую наружность. Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ его жертвъ, и я не могла удерживаться отъ смѣха, даже прямо въ лице, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ. Помню одинъ разъ онъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родители невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома, и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ уже болѣе въ этотъ домъ не являлся.

Около того же времени умеръ Пушкинъ, Лермонтовъ вознегодовалъ, какъ и все молодое въ Россіи, противъ той не

д о б р о й (mauvaise) партіи нашего общества, которая возстановляла, другъ противъ друга двухъ противниковъ. Лермонтовъ написалъ посредственное (?) стихотвореніе, но жгучее, въ которомъ онъ обращался прямо къ императору, требуя мщенія. При всеобщемъ возбужденіи умовъ, этотъ поступокъ, столь натуральный въ молодомъ человѣкѣ, былъ перетолкованъ. Новый поэтъ, выступившій въ защиту умершаго поэта, былъ посаженъ подъ арестъ на гауптвахту, а засимъ переведенъ въ полкъ на Кавказъ. Эта катастрофа, столь оплакиваемая друзьями Лермонтова, обратилась, въ значительной степени, въ его пользу: оторванный отъ пустоты петербургской жизни, поставленный въ присутствіе строгихъ обязанностей и постоянной опасности, перенесенный на театръ вѣчной войны, въ незнакомую страну, прекрасную до великолѣпія, вынужденный наконецъ

сосредоточиться въ самомъ себѣ, поэтъ мгновенно выросъ, и талантъ его мощно развернулся. До того времени, всѣ его опыты, хотя и многочисленныя, были какъ будто только ощупыванія, но тутъ онъ сталъ работать, по вдохновенію и изъ самолюбія, чтобы показать свѣту что нибудь свое; о немъ знали лишь по ссылкѣ, а произведеній его еще не читали. Здѣсь будетъ у мѣста провести параллель между Пушкинымъ и Лермонтовымъ, собственно въ смыслѣ поэта и писателя.

Пушкинъ весь порывъ, у него все прямо выливается; мысль исходитъ, или скорѣе извергается изъ его души, изъ его мозга, во всеоружіи, съ головы до ногъ; затѣмъ онъ все передѣлываетъ, исправляетъ, подчищаетъ, но мысль остается та же, цѣльная и точно опредѣленная.

Лермонтовъ ищетъ, сочиняетъ, улаживаетъ; разумъ, вкусъ, искусство указываютъ ему на средство округлить фразу,

усовершенствовать стихъ; но первоначальная мысль постоянно не имѣетъ полноты, неопредѣленна и колеблется; даже и теперь въ полномъ собраніи его сочиненій, попадаетъ тотъ же стихъ, та же строфа, та же идея, вставленная въ совершенно разныхъ пьесахъ.

Пушкинъ давалъ себѣ тотчасъ отчетъ, въ ходѣ и совокупности даже и самой маленькой изъ его отдѣльныхъ пьесъ.

Лермонтовъ набрасывалъ на бумагу стихъ или два, пришедшіе ему въ голову, не зная самъ, что онъ съ ними сдѣлаетъ, а потомъ включалъ ихъ въ то или другое стихотвореніе, къ которому, какъ ему казалось, они подходили. Главная его прелесть заключалась преимущественно въ описаніи мѣстностей; онъ, самъ хорошій пейзажистъ, дополнялъ поэта—живописцемъ; очень долго обиліе матеріаловъ, бродящихъ въ его мысляхъ, не позволяло ему привести ихъ въ порядокъ, и только со времени его

вынужденнаго бездѣйствія на Кавказѣ начинается полное обладаніе имъ самимъ собою, знакомство со своими силами и, такъ сказать правильная эксплуатація его различныхъ способностей; по мѣрѣ того, какъ онъ оканчивалъ, пересмотрѣвъ и исправивъ, тетрадку своихъ стихотвореній, онъ отсылалъ ее къ своимъ друзьямъ въ Петербургъ; эти отправки причина того, что мы должны оплакивать утрату нѣсколькихъ изъ лучшихъ его произведеній. Курьеры, отправляемые изъ Тифлиса, бывають часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть въ горные потоки или пропасти, черезъ которыя они переправляются на доскахъ или же переходятъ въ бродъ, гдѣ иногда, чтобы спасти самихъ себя, они бросаютъ довѣренныя имъ пакеты, и такимъ образомъ пропали двѣ-три тетради Лермонтова; это случилось съ послѣдней тетрадью, отправленной Лермонтовымъ къ своему из-

дателю, такъ что отъ нее у насъ остались только первоначальные наброски стихотвореній вполнѣ законченныхъ, которыя въ ней заключались.

На Кавказѣ, юношеская веселость уступила мѣсто у Лермонтова припадкамъ черной меланхоліи, которая глубоко проникла въ его мысли, и наложила особый отпечатокъ на его поэтическія произведенія. Въ 1838 году (у Дюма 1833, ясно опечатка или не разобрано въ рукописи) ему разрѣшено было вернуться въ Петербургъ, а такъ какъ талантъ, а равно и ссылка, уже воздвигли ему пьедесталъ, то свѣтъ поспѣшилъ его хорошо принять. Нѣсколько успѣховъ у женщинъ, нѣсколько салонныхъ волокитствъ (*flirtations*) вызвали противъ него вражду мушинъ; споръ о смерти Пушкина былъ причиной столкновенія между нимъ и г. де Барантъ, сыномъ французскаго посланника; послѣдствіемъ спора была дуэль, и въ

очень короткое время вторая между русскимъ и французомъ: нѣкоторыя женщины выболтали и о поединкѣ узнали до его совершенія; чтобы покончить эту международную вражду, Лермонтовъ былъ вторично сосланъ на Кавказъ.

Со втораго пребыванія въ этой странѣ войны и величественной природы, исходятъ лучшія и самыя зрѣлыя произведенія нашего поэта. Поразительнымъ скачкомъ, онъ вдругъ себя превосходитъ, и его дивныя стихи, его великія и глубокія мысли 1840 года какъ будто не принадлежать молодому человѣку, пробовавшему свои силы въ предшествовавшемъ году; тутъ уже находишь болѣе правды, и добросовѣстности въ отношеніи къ самому себѣ; онъ съ собою болѣе ознакомился и себя лучше понимаетъ; маленькое тщеславіе исчезаетъ, и если онъ сожалѣетъ о свѣтѣ, то только въ смыслѣ воспоминаній объ оставленныхъ тамъ привязанностяхъ.

Въ началѣ 1841 года, его бабушка, госпожа Арсеньева, выхлопотала ему разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ, для свиданія съ ней и полученія послѣдняго благословенія, года и слабость понуждали ее снѣшить возложить руки на главу любимаго дѣтища. Лермонтовъ прибылъ въ Петербургъ 7 или 8 февраля, и горькою насмѣшкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживавшая въ отдаленной губерніи, не могла съ нимъ сѣхаться, по причинѣ дурнаго состоянія дорогъ, происшедшаго отъ преждевременной распутицы.

Именно въ это-то время, я познакомилась лично съ Лермонтовымъ, и двухъ дней было довольно, чтобы связать насъ дружбой: однимъ днемъ болѣе, чѣмъ я съ вами, любезный Дюма, а потому не ревнуйте. Принадлежа къ одному и тому же кругу, мы постоянно встрѣчались и утромъ и вечеромъ; что насъ окончатель-

но сблизило, это мой рассказъ объ извѣстныхъ мнѣ его юношескихъ проказахъ; мы вмѣстѣ вдоволь надъ ними посмѣялись, и такимъ образомъ вдругъ сошлись какъ будто были знакомы съ самаго того времени. Три мѣсяца, проведенные тогда Лермонтовымъ въ столицѣ, были, какъ я полагаю, самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Отлично принятый въ свѣтѣ, любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружественной обстановкѣ, онъ придумывалъ какую нибудь шутку или шалость, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости.

Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ намъ новый романъ, подъ заглавіемъ: „Штось,“ при чемъ онъ разчиталъ, что

ему понадобится, по крайней мѣрѣ, четыре часа для его прочтенія. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано, и чтобы двери были заперты для постороннихъ. Всѣ его желанія были исполнены, и избранники сошлись числомъ около тридцати; наконецъ Лермонтовъ входитъ съ огромной тетрадю подъ мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затѣмъ начинается чтеніе: спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутникъ занималъ насъ первой главой какой-то ужасной исторіи, начатой имъ только наканунѣ; написано было около двадцати страницъ, а остальное въ тетради— была бѣлая бумага. Романъ на этомъ остановился, и никогда не былъ оконченъ.

Отпускъ его приходилъ къ концу, а бабушка не ѣхала. Стали просить объ отсрочкахъ, въ которыхъ было сначала отказано, а потомъ они взяты штурмомъ высокимъ покровительственнымъ вліяні-

емъ. Лермонтову очень не хотѣлось ѣхать, у него были всякаго рода дурныя предчувствія. Наконецъ, около конца апрѣля или начала мая, мы собрались на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку.—Мы ужинали втроемъ, за маленькимъ столомъ, онъ и еще другой другъ, который тоже погибъ насильственной смертью въ послѣднюю войну. Во время всего ужина и на прощаньи, Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смѣяться надъ его казавшимися пустыми предчувствіями, но онъ поневолѣ на меня влияли и сжимали сердце. Черезъ два мѣсяца онъ осуществились, и pistolетный выстрѣлъ, во второй разъ, похитилъ у Россіи драгоценную жизнь, составлявшую національную гордость. Но что было всего ужаснѣе, въ этотъ разъ, ударъ последовалъ отъ дружеской руки.

Прибывъ на Кавказъ, въ ожиданіи экспедиціи, Лермонтовъ поѣхалъ на воды въ Пятигорскъ. Тамъ онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ пріятелей, который часто былъ жертвой его шутокъ. Онъ снова началъ свои продѣлки съ нимъ, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль Мартыновъ былъ мишенью всѣхъ безумныхъ выдумокъ поэта. Однажды, увидѣвъ на Мартыновѣ кинжалъ, а можетъ и два, по черкесской модѣ, что вовсе не шло къ кавалергардскому мундиру, Лермонтовъ, въ присутствіи дамъ, къ нему подошелъ и, смѣясь, закричалъ:

— Ахъ! какъ ты хорошъ, Мартыновъ! ты похожъ на двухъ горцевъ!

Послѣдствіе этой шутки было то, что уже безъ того полная чаша перелилась черезъ край; послѣдовалъ вызовъ и на другое утро два пріятеля дрались на дуэли. Напрасно секунданты употребляли возможные усилія къ примиренію, даже

самъ Лермонтовъ вѣрить не хотѣлъ, что онъ будетъ драться съ Мартыновымъ. Но судьба свое взяла!

— Возможно-ли, сказалъ онъ секундантамъ, когда они передавали ему заряженный пистолеть, чтобы я въ него цѣлилъ?

Цѣлилъ-ли онъ? или не цѣлилъ? Но только то извѣстно, что раздалось два выстрѣла, и что пуля противника смертельно поразила Лермонтова.

Такимъ образомъ, окончилъ жизнь въ 28 лѣтъ, и тою же смертью, поэтъ, который одинъ могъ облегчить утрату, понесенную нами смертью Пушкина.

Странная вещь! Дантесъ и Мартыновъ оба служили въ кавалергардскомъ полку.

Евдокія Ростопчина.

Перевелъ и сообщ. В. К. Шульцъ.

Н. А. Некрасовъ въ с. Спасскомъ.

Какъ уже извѣстно публикѣ, — юные годы въ жизни Н. А. Некрасова были годами тяжелой борьбы съ нуждой. Самъ поэтъ, впоследствии, не разъ передавалъ своимъ близкимъ печальные факты и случаи изъ своей тяжелой жизни. Теперь и я передамъ одинъ рассказъ, относящійся именно къ этому періоду жизни поэта.

Какъ-то разъ, Некрасовъ, нанявшій для себя жалкую, убогую комнатку въ подвальномъ этажѣ, увидалъ, что и эта, почти конура, дорогá для него, — и вотъ, онъ рѣшился приискать себѣ сожителя, сотоварища по комнатѣ, почему на окнѣ своей

комнаты онъ и налѣпилъ лаконическую надпись „Отдается квартира...“

Однажды, когда Некрасовъ былъ дома—ему тяжело нездоровилось—и онъ лежалъ на полу своей, почти лишенной мебели, комнаты, отворилась дверь и въ нее вошелъ высокій, худой, бѣдно одѣтый господинъ и обратился съ вопросомъ къ Николаю Алексѣвичу:

„Позвольте узнать: здѣсь сдается квартира?“

— Здѣсь, было отвѣтомъ.

„А какая цѣна?“—Такая-то.—„Хорошо, я согласенъ и нанимаю квартиру“.

— Когда же вы думаете переѣхать?

„Да я уже переѣхалъ...“ засмѣялся вошедшій, бросая въ уголъ небольшой узелокъ съ платьемъ и сбрасывая шинель—составлявшіе все его имущество. Вновь явившійся былъ К. А. Даненбергъ, занимавшійся въ Академіи Художествъ.— Вотъ и зажили эти горемыки вмѣстѣ.

Жизнь была ужасная, тяжелая, голодная жизнь. Даненбергъ оказался въ такомъ же почти положеніи, какъ и Некрасовъ. У обоихъ были богатые родители—и оба они терпѣли тяжелую нужду. Клавдій Андреевичъ Даненбергъ былъ сынъ довольно состоятельныхъ родителей. Отецъ его служилъ прежде, кажется, полковымъ командиромъ одного изъ полковъ, въ Южной Россіи.

Онъ желалъ, чтобы сынъ его пошелъ по медицинскому факультету—и вотъ, молодой человѣкъ былъ имъ опредѣленъ въ Казанскій университетъ и помѣщенъ на квартиру къ моему дѣду—сослуживцу его отца, бывшему прежде полковымъ медикомъ. — (Отъ моей матушки и ея брата, а затѣмъ и отъ одного изъ лицъ, близкихъ къ Н. А. Некрасову по изданію „Современника“ мнѣ и довелось услышать передаваемый здѣсь рассказъ). Но молодого человѣка тянуло совсѣмъ не къ ме-

дицинѣ. Всѣ симпатіи его были устремлены на искусство—и вотъ, вопреки желанію родителей, онъ отправился въ Петербургъ, бросивъ университетъ, и поступилъ въ Академію Художествъ. Зная, что поступокъ его навлечетъ на него гнѣвъ родителей, молодой человекъ рѣшился нѣкоторое время вовсе не писать имъ о себѣ — и вотъ онъ дожилъ до страшной крайности, почти ѣсть нечего было... Некрасовъ былъ въ это время не богаче его... Чтобы чѣмъ либо кормиться и платить за квартиру, молодые люди стали продавать свои вещи. Вскорѣ дошло до того, что и продавать-то было нечего. Тогда было рѣшено продать шинель Некрасова, а довольствоваться шинелью Даненберга имъ обоимъ, потому, видите-ли, что Даненбергъ былъ очень высокаго роста, а Некрасовъ былъ скорѣе низкаго—такъ что шинель Некрасова была ужъ очень мала Даненбергу. И вотъ, когда

напр. Некрасову нужно было выходить изъ дому — то Даненбергъ вооружался иглой (онъ былъ мастеръ на всѣ ручныя работы) и подшивалъ шинель для Некрасова, и тотъ выходилъ со двора въ такомъ костюмѣ. Когда же нужно было куда либо отправиться Даненбергу, — то шевъ распускался — и шинель приходила въ прежній видъ — и надѣвалась на плечи ея владѣльца!...

~~~~~

Въ 1846 году Н. А. Некрасовъ, вмѣстѣ съ И. И. Панаевымъ, пріѣхали въ Казанскую губернію, гдѣ у И. И. Панаева было и свое небольшое имѣньице и жили его родные. Тутъ-то моя матушка и познакомилась съ Некрасовымъ. По ея словамъ и по рассказамъ другихъ, познакомившихся тогда съ нимъ въ Казани, это былъ не высокаго роста, съ бѣлокурыми волосами и большими выразительными глазами, робкій, молодой человѣкъ.

Пробывши довольно долго въ самой Казани, Некрасовъ, вмѣстѣ съ Панаевымъ, посѣтили и одинъ изъ уѣздныхъ городковъ нашей губерніи, Спасскъ. И, вотъ, тамъ-то ему довелось принять участіе въ оригинальной охотѣ—охотѣ на душелей, охотѣ, производившейся на городской площади,—большой, безгранично большой, болотистой площади... Впослѣдствіи Н. А. Некрасовъ, въ своей поэмѣ „Несчастные“, такъ охарактеризовалъ этотъ глухой городокъ:

. . . . . Невольно

Припомнишь бѣдный городокъ,
Гдѣ солнца каждому довольно.
То правда: городъ не широкъ,
Не длиненъ—лай судейской шавки
Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ.
Домишки малы, пусты лавки,
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма, флагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый
И площадь... площадь велика!

Крогомъ не видно ей границы,
И слышно, осенью, на ней
Чудакъ, заѣзжій изъ столицы
Успѣшно ищеть дупелей.

. . . . .

Но есть и тамъ свои могилы,
Но тамъ бесплодно гибнуть силы,
Тамъ духота, бездушье, лѣнь...
Тамъ время тянется сонливо,
Какъ самодѣльная расшива
По тихой Волгѣ въ лѣтній день.
Тамъ только не грѣшно родиться
Или подъ старость умирать.
Кудажь идти? къ чему стремиться?
Гдѣ силы юныя пытатъ?

Храни Господь того, кто скажетъ:
„Простите, мирныя поля!“
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормѣ большаго корабля...

Изъ Спасска Н. А. Некрасовъ, съ своимъ сотоварищемъ, отправился въ село Новоспасское, Спасскаго уѣзда, принад-

лежавшее тогда Григорію Михайловичу Толстому. Здѣсь прожили они довольно долго...

Гостепріимный, умный, развитой и замѣчательно оригинальный человѣкъ былъ Григорій Михайловичъ! Человѣкъ хорошо образованный, богатый, изъѣздившій не разъ Европу, Григорій Михайловичъ, былъ сыномъ своего времени. Это былъ вполнѣ человѣкъ сороковыхъ годовъ, человѣкъ увлекающійся, страстный. По характеру своему, онъ имѣлъ много общаго съ С. Т. Аксаковымъ. Такъ, одна страсть, одно увлеченіе безпрестанно у него смѣнялись другою. Онъ—то пристращался къ охотѣ и превращалъ свое жилище въ какой-то военный, охотничій арсеналь; всѣ комнаты у него тогда увѣшивались и уставлялись ружьями, рогатинами, кинжалами, ягташами и проч. принадлежностями охоты; то онъ пристращался къ растеніямъ—цвѣтамъ и деревьямъ. И вотъ,

онъ жилъ какъ-бы въ оранжереѣ, съ дорогими тропическими растеніями и т. п. — Все это, конечно, требовало большихъ денегъ и онъ до того увлекался, что иногда спускалъ чуть не до гроша свое состояніе, обременялъ себя долгами—но счастье, видимо, ему покровительствовало—и онъ неожиданно, негаданно получалъ откуданибудь наслѣдство. И это случалось не одинъ разъ въ жизни. Такъ было и до самой кончины Григорія Михайловича, послѣдовавшей въ 1872 году, въ Казани.

Село Новоспасское, гдѣ жилъ Григорій Михайловичъ во время пріѣзда къ нему гостей—Н. А. Некрасова и И. И. Панаева—большое, богатое село, раскинувшееся привольно и широко по оврагу рѣченки Курлянки, съ большимъ густымъ садомъ. Въ то время Григорій Михайловичъ жилъ въ деревянномъ флигелѣ, построенномъ у сада, съ террасой, выходящей въ садъ. Тутъ-то, на этой террасѣ,

въ хорошіе, ведренные дни, а особенно по вечерамъ, часто сиживали Некрасовъ, Панаевъ и Толстой -- и тутъ-то было окончательно рѣшено арендовать „Современникъ“ у Плетнева. Далеко за полночь, на этомъ балконѣ велась живая, увлекательная рѣчь о новомъ журналѣ, обдумывалась его программа, тѣ улучшения, какія предполагалось ввести въ него, и проч. При этомъ, всѣ трое давали другъ другу слово работать для журнала и поддерживать его, кто чѣмъ можетъ. Г. М. Толстой далъ даже тогда, насколько мнѣ припоминается его собственный рассказъ объ этомъ, 5000 руб. (вѣроятно ассигнаціями) на это дѣло. Но этимъ и ограничилась его поддержка журналу. Такъ, кажется, ни одной его статьи тамъ и не было напечатано. Вѣроятно, Григорія Михайловича, вскорѣ по отъѣздѣ гостей, увлекла другая страсть, другое занятіе, чуждое литературѣ...

Въ дождливую же и пасмурную погоду, хозяинъ съ своими гостями перемѣщались съ террасы въ комнату, къ которой прилегала терраса, и садились тамъ въ уголъ, на угловой диванъ, передъ круглымъ столомъ.

Некрасовъ, въ одну изъ бесѣдъ на террасѣ, обратилъ вниманіе хозяина на то, что въ одну изъ щелей террасы пробивается отпрыскъ липки и просилъ его дать просторъ этому деревцу. И вотъ, было прорублено круглое отверстіе въ полу террасы и теперь, среди самой террасы, возвышается могучее, тѣнистое дерево— „дерево Некрасова“... И до сихъ поръ стоитъ этотъ домикъ, растетъ это дерево и сохраняется даже диванъ— бывшіе безмолвными свидѣтелями живыхъ, жаркихъ бесѣдъ—(Н. А. Некрасова, И. И. Панаева и Г. М. Толстаго,—которыхъ уже всѣхъ нѣтъ на свѣтѣ)—бесѣдъ о журналѣ, долго потомъ служившимъ посиль-

но русскому обществу, журналѣ, въ которомъ допѣлъ свои лебединныя пѣсни Бѣлинскій, гдѣ окрѣпъ и возмужалъ талантъ Некрасова, гдѣ Тургеневъ печаталъ свои лучшія произведенія, гдѣ работалъ Добролюбовъ, Щедринъ и другіе дѣятели науки и литературы.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

o

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

Смерть каждаго крупнаго общественнаго дѣятеля на томъ или другомъ поприщѣ вызываетъ въ обществѣ интересъ не только узнать біографію покойнаго, прочесть такъ сказать его формуляръ, а ознакомиться со всѣми мельчайшими деталями его жизни. Это подтверждается тѣмъ, что всегда по смерти такого лица въ обществѣ начинаютъ циркулировать всевозможные анекдоты изъ его жизни, припоминаются его слова, поступки, мелкіе эпизоды изъ его домашняго быта и т. п.

Въ виду этого я считаю далеко не безинтереснымъ и не лишнимъ подѣлиться съ читателями хотя нѣсколькими воспоминаніями о такой выдающейся личности, о такомъ колоссальномъ талантѣ и гениальномъ писателѣ, какимъ былъ покойный Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ *);

Я увѣренъ, что читатели не посѣтуютъ на меня за предлагаемыя отрывочныя воспоминанія о великомъ сатирикѣ...

Чѣмъ богатъ,—тѣмъ и радъ!..

*
* *

Въ одномъ изъ своихъ очерковъ М. Е. вывелъ типъ государственнаго дѣятеля, который не столько радѣлъ о дѣлѣ, какъ заботился о томъ, чтобы всѣ думали, что

---

*) Все, повѣствуемое въ настоящемъ очеркѣ, составлено на основаніи словъ и разказовъ лицъ близко знавшихъ М. Е. Салтыкова и бывшихъ свидѣтелями сообщаемыхъ фактовъ.

онъ дѣлаетъ дѣло. Окна кабинета этого дѣятеля выходили на улицу, по которой то и дѣло ѣздили всевозможные чины различныхъ вѣдомствъ. Для того, чтобы проѣзжающіе думали, что онъ всѣ ночи на пролетъ занимается дѣлами, дѣятель никогда не тушилъ по ночамъ въ своемъ кабинетѣ лампы, хотя самъ въ это время даже мысленно не присутствовалъ за письменнымъ столомъ.

Одно изъ высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи лицъ узнало себя въ этомъ очеркѣ. Случай вскорѣ свелъ ихъ съ Щедринымъ съ глазу на глазъ.

— А, Михаилъ Евграфовичъ! — обратилось къ Щедрину лицо: очень радъ васъ видѣть! Читалъ, батенька, читалъ вашъ рассказецъ! Подали вы меня подъ краснымъ соусомъ! Ну, а теперь подъ какимъ еще соусомъ намѣреваетесь вы меня подать?

— Ахъ, ваше—ство!—отвѣчалъ Щед-

ринъ: вы и безъ всякаго соуса слишкомъ хороши!..

* * *

Михаилъ Евграфовичъ былъ чрезвычайно мягкимъ, добрымъ и глубоко-симпатичнымъ человѣкомъ, хотя почему-то многіе считали его человѣкомъ грубымъ, несправедливымъ и даже эксплуатировавшимъ своихъ сотрудниковъ. Напротивъ, онъ всѣми силами поддерживалъ начинающихъ писателей, разъ только замѣчалъ въ ихъ произведеніяхъ хоть проблески таланта или дарованія. Надъ чужими рукописями онъ работалъ едва-ли не больше, чѣмъ надъ своими собственными. Часто онъ выпускалъ совсѣмъ то или другое дѣйствующее лицо, бывшее по его мнѣнію совершенно лишнимъ въ рассказѣ, и тогда ему приходилось пересмотрѣть и переработать все произведеніе отъ начала до конца. Благодаря этой переработкѣ возникали очень курьезныя

недоразумѣнія. Читатели, находившіе произведенія того или другаго писателя на страницахъ „Отечеств. Зап.“ прекрасными и занимательными, съ удивленіемъ замѣчали, что произведенія того-же писателя на страницахъ другихъ изданій оказывались бездарными и скучными. Писатели, получившіе было имя благодаря передѣлкѣ ихъ произведеній Щедринымъ, съ прекращеніемъ Отеч. Зап. словно въ воду канули.

* * *

Съ посѣтителеми М. Е. обнаруживалъ необыкновенное благодушіе, хотя между ними попадались люди положительно невыносимые.

Однажды въ квартиру къ нему явился какой-то господинъ и отрекомендовался авторомъ одного ученаго изслѣдованія и врачомъ.

Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Что вамъ угодно? спросилъ М. Е.

— Нѣтъ, что вамъ отъ меня угодно?
переспросилъ врачъ.

— Отъ васъ мнѣ ничего не угодно.

— Зачѣмъ-же вы хотите меня описать?
возразилъ тотъ.

— Да объясните, наконецъ, въ чемъ
дѣло?! закричалъ Щедринъ.

Дѣло оказалось въ томъ, что врачъ
бросилъ дѣвушку, съ которою жилъ, а
та пригрозила ему пожаловаться Щедри-
ну, съ которымъ она будто бы знакома
и сказала, что онъ „раздѣляетъ ковар-
наго измѣнника“

Бѣдный врачъ до того перепугался этой
угрозы, что прибѣжалъ оправдываться
передъ Щедринымъ и просилъ не гу-
бить его.

Разумѣется, М. Е. успокоилъ ученаго
изслѣдователя на этотъ счетъ.

* *
*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Н. А. Некрасовъ	1
II. А. И. Левитовъ	9
III. И. С. Тургеневъ	16
IV. Покупка земли у И. С. Тургенева .	25
V. Гр. Л. Н. Толстой	31
VI. Гр. Л. Н. Толстой	37
VII. Триумфальный въездъ графскихъ лошадей въ мое село	52
VIII. Вѣсти о гр. Л. Н. Толстомъ	64
IX. Л. Н. Толстой	76
X. Гр. Л. Н. Толстой въ Москвѣ	87
XI. Д. В. Григоровичъ	97
XIII. Встрѣча съ Н. Г. Помяловскимъ . .	111
XIV. В. А. Слѣпцовъ	115
XV. Дѣтство Гл. И. Успенскаго	129
XVI. Литературные успѣхи Г. И. Успен- скаго	138
Власть земли и Власть тьмы (Соч. Гл. Успенскаго и гр. Л. Н. Толстаго)	146
Ө. М. Достоевскій на каторгѣ	168
М. Ю. Лермонтовъ. (П. Висковатаго). . .	179
М. Ю. Лермонтовъ (Графиня Е. П. Рас- топчина)	208
Н. А. Некрасовъ въ с. Спаскомъ	227
М. Е. Салтыковъ-Щедринъ	239